

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Л. Б. ЧЕТЫРОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 47.04.01 Философия

САМАРА
Издательство Самарского университета
2023

УДК 101:316(075)

ББК Ю6я7

Ч-540

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. М. С. У л а н о в;
канд. психол. наук, доц. И. А. Л о г и н о в а

Четырова, Любовь Борисовна

Ч-540 **Философские проблемы труда в постсовременном обществе:** учебное пособие / *Л.Б. Четырова.* – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-7883-1981-0

Настоящее учебное пособие содержит материалы для организации самостоятельной работы студентов философской магистратуры по профилям «Философская антропология: человек в меняющемся мире» и «Философия кибернетики». В пособии излагаются основные подходы к изучению проблемы труда в постсовременном обществе, формулируются вопросы для самопроверки, даются задания для самостоятельной работы.

Пособие ориентировано на магистрантов, но также может быть использовано бакалаврами-социологами дневной и заочной форм обучения, изучающими проблемы труда.

Подготовлено на кафедре философии.

УДК 101:316(075)

ББК Ю6я7

ISBN 978-5-7883-1981-0

© Самарский университет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ПРОБЛЕМА ТРУДА И ЕЕ КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ.....	6
1.1. Трансформация труда в постсовременном обществе.....	6
1.2. Новая философия труда в перспективе критической теории и проблема политической «невидимости» труда	11
2. ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИЛОСОФИИ ТРУДА МАРКСА	16
2.1. Реактуализация исторического материализма Ю. Хабермасом и А. Хоннетом.....	16
2.2. Две стратегии в решении проблемы труда и освобождения.....	24
3. РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА И ОСВОБОЖДЕНИЯ	29
3.1. Теория признания Акселя Хоннета	29
3.2. Теория психодинамики труда Кристофа Дежура	33
3.3. Применение теории признания в политической философии.....	40
4. БУДУЩЕЕ ТРУДА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЛЕВЫХ ТЕОРЕТИКОВ	47
4.1. Мутации труда и платформенный капитализм.....	47
4.2. Левое движение и будущее труда	52
4.3. Множества и десубстанциализация сообщества	62
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	67
МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	72

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие труд становится объектом пристального внимания западных исследователей. Возвращение исследовательского интереса к этому вопросу объясняется глубинными трансформациями, происходящими с трудом в постсовременном обществе вследствие повсеместного применения цифровых и облачных технологий, использования искусственного интеллекта, применение которого в производстве кардинально изменило автоматизацию. Трансформации, происходящие в области труда, имеют поистине тектонический характер, меняя не только конфигурацию общественного производства, но и субъективность трудящегося. Если взять отечественную ситуацию, то в постсоветский период тема труда, занимавшая некогда центральное место в тематическом ряду советской социальной науки и философии, долгое время находилась в забвении. Возрождение исследовательского интереса к вопросу о труде объясняется, с одной стороны, вызовами постфордистского общества/производства, с другой – потребностью анализа трудовой реальности транзитивного российского общества, в котором представлены разнообразные модели труда.

Данное учебное пособие посвящено философскому анализу тех трансформаций, которые труд претерпевает в постсовременном обществе. На основе обзора существующих в современной западной и отечественной литературе позиций относительно природы труда в постсовременном обществе, моделей труда, материального/нематериального труда, труда/досуга, ставится вопрос о различиях, определяющих сущность и, соответственно, образы труда сегодня.

На основе обзора обширного блока литературы рассматривается вопрос об изменении природы труда в постсовременном обществе, выделяются основные тенденции его трансформации, анализируется вопрос о размывании границ между трудом и досугом, что ме-

няет сложившееся в индустриальную эпоху понимание досуга. Рассматривается феномен цифрового (платформенного) капитализма, порождающего новые формы эксплуатации работника.

Анализ феномена труда в культуре постсовременного общества осуществляется с применением постмарксистской теории труда (П. Вирно, А. Негри, М. Хардт), концепции нематериального труда (М. Лаццарато), теории цифрового (платформенного) капитализма (Н. Срничек, У. Хьюз), теории прекариата (Г. Стэндинг).

Кроме того, обсуждается вопрос об онтологии труда, поставленный в той перспективе, которую определили Хайдеггер, Фуко, Адорно.

Пособие основано на обширном корпусе литературы о труде, написанной теоретиками преимущественно левого толка, используются как оригиналы на английском и немецком языках, так и их переводы на русский язык.

Данное учебное пособие предназначено для обеспечения самостоятельной работы студентов, изучающих «Философию труда» и «Будущее труда в эпоху кибернетизации и информатизации». А также может быть использовано студентами социологической магистратуры и бакалавриата.

1. ПРОБЛЕМА ТРУДА И ЕЕ КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ

1.1. Трансформация труда в постсовременном обществе

В середине 60-х годов XX в. немецкие социологи с удивлением отметили изменения в трудовых ориентациях и падение престижа труда в шкале жизненных ценностей у немцев, которые до той поры выступали в роли «*примерных мальчиков*», демонстрирующих высокие образцы трудового поведения и трудовой морали для всего мира. Немцы, будучи некогда воплощением трудолюбия, в сравнении с американцами, шведами, японцами стали демонстрировать меньшую удовлетворенность трудом, обязательность, большую фрустрированность. Немцы вдруг стали следовать принципу «потеть? Только в сауне!»¹.

Ситуация, складывавшаяся вокруг труда и его ценности, была настолько серьезной, что привлекла к себе внимание Римской Католической церкви. Папа Иоанн XXIII в энциклике “*Mater et magistra*” (1961) указал, что труд является непосредственным истоком человеческой личности. Другой папа – Павел VI развивал мысль о том, что на протяжении всей Библии труд предстает как основная предпосылка человеческого существования². В 1981 году было обнародовано обращение Ватикана, специально посвященное труду «*Laborem exercens*». В отличие от предшествующих энциклик здесь труд определяется как составная часть человеческого достоинства³.

¹ Pawlowsky, P., Flodel, E. Die Arbeitsmoral der Deutschen: Schwitzen ... nur noch in der Freizeit // *Geshaeft oder Arbeit, kein Arbeit und Freizeit.*: Weinhein/Bazel: Beltz, 1985. S. 56-60.

² Шейман М.М. От Пия IX до Павла VI. М., 1979.

³ Trzaskalik F. *Katholizismus // Arbeit.* Muenchen: Koesel; Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 38-39.

В итоге Римско-католическая церковь изменила свою традиционную оценку труда как наказания за первородный грех и приняла британскую оценку труда как добродетели.

Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с ситуацией кардинального изменения ценности труда в западном индустриальном мире, это с которого был сформирован протестантской религией. В трудовой этике периода классического капитализма труд характеризуется как важнейшая нравственная ценность. Но если в эпоху классического капитализма труд рассматривался как важная часть человеческого существования и имел экзистенциальные характеристики, то начиная с 60-х годов прошлого столетия труд постепенно утрачивает их. Анализируя данный процесс, социолог А. Горц приходит к выводу, что труд в постепенно превращается всего лишь в средство зарабатывания денег¹. Произошедшую утилитаризацию труда футурологи обозначили как начало конца феномена человеческого труда.

Смещение труда в шкале ценностей стало маркером тех глубинных изменений, которые происходили с трудом и производством. Общество, в котором труд был осью, вокруг которой выстраивались все остальные социальные институты – образование, семья, пенсия, досуг, менялось на глазах².

Главной причиной кризиса «трудового общества» стало стремительно нараставшее сокращение доли производительного труда и возрастание сервисного труда. В дискурсе о труде появилась метафора «смерти труда» (Рифкин, Оффе, Тоффлер, Горц). Данная метафора стоит в ряду таких, как «смерть Бога» (Ф. Ницше), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть человека» (М. Фуко). Использование этой метафоры позволило исследователям усилить изменение форм

¹ Горц А. Метаморфозы труда: поиск смысла, критика экономического разума // Современная западная социология: классические традиции и поиски нового смысла. М., 1990. С.11-12.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000, С. 262-263.

восприятия и осмысления труда людьми в постсовременном обществе, а также показать историческую ограниченность понятия труда, применяемого исследователями.

Важно подчеркнуть, что метафора «смерти труда» и метафора «смерти человека» связаны друг с другом, так как позволяют описать проблему труда в перспективе тематизации и артикуляции проблемы человека. По словам М. Фуко, «человек» является конструктом, возникшим на стыке трех филологии, биологии, политической экономии в начале XIX века. Он пишет: «Вплоть до XVIII века человек не существовал. Не существовал, как не существовали ни сила жизни, ни плодотворность труда, ни историческая толща языка. Человек – это недавнее создание, которое творец всякого знания изготовил своими собственными руками не более двухсот лет назад»¹. Феномен человека возникает в замкнутом круге, образованном законами жизни, труда и языка. Именно эти законы определяют конкретное существование человека. При этом сам человек предстает собственному взгляду лишь в облике *живого организма, средства производства, носителя слов*.

Согласно Фуко, сложившийся в начале XIX века опыт определения человека, сделал ненужной метафизику *бесконечного* для выявления конечных форм человеческого бытия, замыкающегося в отсылках к самому себе. Он пишет, что «современное мышление противится своим собственным метафизическим устремлениям, показывая, что размышления о жизни, труде, языке, выступая в роли аналитики конечного человеческого бытия, обозначают конец метафизики: так, философия жизни ниспровергает метафизику как покров заблуждения, философия труда – как отчужденную мысль, как идеологию, философия языка – как эпизод культуры»².

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 330.

² Там же. С. 338-339.

Спустя десятилетия после 60-х годов, когда впервые появилась метафора смерти труда, трансформация природы труда усилилась вследствие появления *новой* автоматизацией, которая отличается от прежней – субститутивной, замещающей человека машиной. *Новая* или супплементарная автоматизация возникла сравнительно недавно и связана с применением искусственного интеллекта, способного решать нестандартные задачи. Супплементарная автоматизация, гораздо сильнее деформирует субъективность работника, теряющего свои профессиональные компетенции и исполняющего лишь иконические функции¹. В результате работник теряет свои компетенции, а некоторым профессиям грозит исполнение лишь периферийных функций, что превращает профессию в карикатуру на саму себя².

Все это, вкуче с цифровой революцией было осмыслено в науке как знаки новой четвертой промышленной революции. Обосновывая появление четвертой промышленной революции, один из главных ее идеологов К. Шваб выделяет следующие факторы: нелинейность и многомерность сегодняшнего мира; цифровую революцию, системные преобразования (внутренние и внешние) государств, компаний, отраслей и общества в целом. Он подчеркивает, что эта революция «изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся»³. Будучи сторонником неолиберализма Шваб, равно как и исследователи школы Мартина (Оксфорд, Великобритания), видит оценивает последствия этой революции в позитивном ключе, в отличие от представителей критической теории постмарксистской традиции⁴. Ярким примером позитивной оценки

¹ Кловайт Н., Ерофеева М. Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос, Том 29. № 1. 2019. С. 61-64.

² Там же. С. 76-77.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016. С. 10.

⁴ Обзору существующих позиций и методологий исследования вопроса о труде и капитале в западной литературе посвящена статья А. Усмановой. Она отмечает с какой поразительной ловкостью Шваб и другие неолибералы инкорпорируют в свои заявления идеи левых теоретиков. См.: Усманова, 2017.

грядущих и текущих трансформаций в мире труда является книга Д. Моргана, в которой он выделяет пять основных направлений трансформации мира труда: новое трудовое поведение, технологии, поколение миллениумов, мобильность и глобализация. Заключительная часть его книги о будущем труда воспринимается как текст о труде советских времен: делая свою работу, работник помимо заработной платы субъективно получает такие ценности, как удовлетворенность, расширение возможностей, чувство самореализации и достижения, счастье. Он наслаждается своей работой, выполняемой везде, в любое время и на любых устройствах. При этом опыт работы организуется и организацией (работодателем) и самим наемным работником¹. Он указывает, какими качествами должен обладать работник будущего: способность к самоуправлению и автономность, способность фильтровать информацию и делать фокус на важном, открытость к переменам, отличные коммуникативные способности, обрести умение учить себя работником².

Таким образом, изменение положения труда в общественном производстве, девальвация его ценности и непригодность прежних понятий сформулировала запрос на формирование новой философии труда.

Вопросы для закрепления материала

1. С какого времени начинается падение ценности труда в западном обществе?
2. Что означает метафора «смерти труда»?
3. Что такое новая автоматизация и как она повлияла на сферу труда?
4. Что такое Четвёртая промышленная революция и как она оценивается в социальной теории?

¹ P. Morgan J. The future of work: attract new talent, build better leaders, and create a competitive organization. Hoboken, New Jersey, 2014. P. 214-215.

² Там же. С. 60-62.

1.2. Новая философия труда в перспективе критической теории и проблема политической «невидимости» труда

Для рассмотрения проблемы труда в постсоциалистической перспективе критическая традиция наиболее пригодна, так как антикапиталистична по духу и разрабатывает теории освобождения.

Маркс создал философию, в которой концепт труда важен для теории общества и теории революции. Однако здесь кроется, по словам А. Хоннета, главный недостаток социальной теории Маркса – отсутствие моста между трудом как актом объективации и ситуацией отчужденного труда, что мешает решить проблему связи между трудом и социальным освобождением¹.

Артикулируя проблему новой философии труда, теоретик левого толка Н. Смит объясняет социокультурное преувеличение ценности труда в так называемом обществе труда присущей ему идеологией экономического роста и постоянного улучшения деятельности компаний и институций. Природу этого преувеличения он объясняет двумя способами. 1. Если объяснять ценность труда инструментально, то чрезмерная ценность, приписанная труду в действительности равна завышению чего-то, чему труд служит инструментом, а именно – наслаждению потреблением. 2. Если воспринимать труд как внутренне присущее благо, удовлетворение от которого появляется из активности как таковой, то баланс труд – жизнь выглядит иначе. Тогда это моральное требование жизненного блага труда и иных благ жизни².

Понятно, что в зависимости о методологической позиции и избираемой оптики, в которой труд рассматривается будет различаться постановка проблемы труда и средства ее разрешения.

¹ Honneth A. The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy. Albany, 1995. P. 35.

² Smith N.H. Three Normative Models of Work // New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. 2012. С. 183-184.

Если обратиться к наиболее распространенным традициям в исследовании труда, занятости и трудовых конфликтов, то согласно британскому исследователю Э. Хири можно выделить унитаристскую, плюралистскую и критическую традиции¹. В рамках каждой из них труд предстает по-разному. Э. Хири рассматривает влияние выделенных традиций на текущие исследования труда, вычленяет те аргументы, которые строятся в рамках этих традиций, противоречия, существующие в исследовании трудовых отношений. Он анализирует теоретические дебаты и взаимодействие между сторонниками той или иной традиции по следующим вопросам: участие наемных работников в организации производства, культура потребления, равенство и разнообразие, а также воздействие глобального финансового кризиса на структуру занятости.

Характеризуя теоретическое обоснование критических исследований индустриальных отношений, он выделяет, во-первых, исследования, основанные на классическом варианте марксизма, куда он относит не только К. Маркса, В. Ленина, Л. Троцкого, но и А. Грамши с Н. Кондратьевым. Во-вторых, исследования, подверженные влиянию философов постмарксистской критической традиции, к которым он относит М. Фуко, Ж. Лакана, С. Жижека, А. Негри и М. Хардта².

В рамке критической постмарксистской традиции метафора «смерти труда» обозначила уход в прошлое той модели труда, которая сложилась после Второй мировой войны в результате борьбы рабочего класса за свои права и под влиянием мировой системы социализма, вплоть до нефтяного кризиса 1973. Этот период именуют Золотым веком капитализма. По словам британского левого теоретика У. Хьюз, в этот период капитал, опасаясь популярности среди

¹ Heery E. Framing work: unitary, pluralist, and critical perspectives in the twenty-first century. New York: Oxford University Press, 2016. P. 318.

² Там же. С. 85-87.

рабочих идей коммунизма, стал заключать соглашения с профсоюзами¹. В результате появились формализованные трудовые контракты, предусматривающие отпуска, пенсии, оплату больничных и иные преимущества². Уход этой модели означивал сокращение доли производительного труда в производстве и, соответственно, сокращение численности рабочего класса, и его размывание.

Все это актуализировало в социальной философии марксистской традиции вопрос об освобождении труда и эмансипации, которая в марксизме решается революционными действиями пролетариата. Однако трансформация труда и прежде всего сокращение доли производительного труда в производстве теоретически были отрефлексованы таким образом, что элиминировали труд из социальной теории и философии.

Современные левые теоретики А. Негри и М. Хардт в связи с этим замечают, что рабочий класс потерял свою центральную позицию в обществе, так как природа и условия труда глубоко изменились. И то, что мы обозначаем как труд, сильно изменилось. Однако не эти причины способствовали маргинализации концепта труда. Монетарные, символические, политические горизонты, представленные в пространстве закона стоимости как конститутивные элементы социальных связей, выбрасывают труд из теории, но не могут выбросить его из реальности. Труд в новых условиях становится тотальным. Парадокс в том, что, будучи «невидим» в теории, труд становится всеобщим основанием. Мир есть труд. Такое тотальное

¹ В то время население европейских стран еще помнило, что благодаря Советскому Союзу, советским солдатам фашизм был повержен. Кроме того, советское руководство щедро финансировало международное рабочее и коммунистическое движение. Идеи коммунизма было достаточно популярны в политическом дискурсе той эпохи.

² Huws U. Labor in the global digital economy: the cybertariat comes of age. New York: Monthly Review Press. 2014. P. 18.

погружение в труд конституирует проблемы не только в экономике и политике, но и в философии¹.

Говоря о политической невидимости труда, французский исследователь Э. Рено выделяет политические, социальные и психологические процессы, которые привели к отрицанию труда и проблем труда. Политическое отрицание труда связано с победой неолиберальной идеологии и поражением рабочего движения. Социальное отрицание труда имеет разные формы. Во-первых, каждая профессия заинтересована в повышении своего статуса, поэтому скрывает свои негативные стороны. Другая причина – длительная безработица, которая в европейских странах привела к тому, что любая работа стала рассматриваться как привилегия, что немало любую несправедливость, связанную с ней. Безработица – гораздо более жестокая несправедливость. При объяснении психологических процессов Рено обращается к П. Бурдьё, который утверждает, что труд есть социальная активность, в которой индивид принимает участие, если игнорирует страдания, связанные с ним и минимизирует социальные и политические проблемы, которые он содержит².

На трансформацию труда следует смотреть в разных перспективах, во-первых, в перспективе распада «организованного модерна»³ для которого характерны защита труда и трудящихся, требование большего равенства людей, свобода, социальные гарантии, ставшего социальным государством. Во-вторых, в перспективе главной, по мнению представителя третьего поколения Франкфуртской школы А. Хоннета, проблемы, так и не решенной Марксом, – связи

¹ Negri A., Hardt M. *Labor of Dionysus: A Critique of the State-Form*. Series: *Theory Out of Bounds*. Vol. 4. University of Minnesota Press. 1994. P. 1-11.

² Renault E. *The political invisibility of work and its philosophical echoes // New philosophies of labour*. Series: *Social and Critical Theory*, Vol. 13. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 133-134.

³ В литературе выделяют три типа исторических трансформаций модерна: либеральный модерн XIX в.; «организованный модерн» (1890–1960-е гг.); расширенная версия либерального модерна. См.: Масловская, Масловский. 2017.

между общественным трудом и социальным освобождением. Для Хоннета в ранний период его деятельности главным была ре-актуализация исторического материализма, что предполагало решение прокламированного, но не обоснованного важнейшего вопроса Маркса о связи между общественным трудом (social labor) и социальным освобождением¹.

По мнению Хоннета, фундаментальные структурные изменения в индустриальном труде (labor) обнажили те трудности, в которые Маркс вовлек себя, пытаясь развить теорию революции на основе своей концепции труда (work)². Распад модерна сопровождался кризисом социальной теории, которая, как пишет В. Фурс, утратила «сильное» понятие общества, мыслимого как квази-субъект, понятие, обладавшее самоочевидностью. Средством выхода из этого кризиса репрезентации в социальной теории стало обращение к повседневности. Повседневность обрела статус базисной формы социального, стала областью, первичной и конститутивной относительно общественных систем³. И произошло это в рамках интерсубъективного поворота, инициированного Ю. Хабермасом в критической теории.

Вопросы для закрепления материала

1. Какие традиции существуют в исследовании труда и занятости?
2. Каковы причины «маргинализации» проблемы труда?
3. Чем определяется «политическая невидимость» труда?
4. С каким трудностями столкнулся Маркс, строя теории революции на своей концепции труда?

¹ Honneth A. The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy. Albany: State University of New York Press, 1995. P. 35.

² Там же. P. 28.

³ Фурс В.Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории // Общественные науки и современность. 2002, № 5. С. 118.

2. ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИЛОСОФИИ ТРУДА МАРКСА

2.1. Реактуализация исторического материализма Ю. Хабермасом и А. Хоннетом

Исчезновение проблемы труда в начале 70-х годов из политической философии произошло под влиянием нормативной политической философии, в которой произошла дисквалификация проблемы отчуждения. Отказ от теоретической схемы, с помощью которой труд анализировали привел к отказу труда как такового.

Так что же пришло на смену?

Две альтернативные позиции заместили отчуждение труда, но ни в одной из них труду как объекту социальной критики не осталось места. Первая позиция представлена такими разнородными мыслителями, как Х. Арент и Ю. Хабермас. Объединяет их только перспектива демократии, в которой они рассматривают вопрос о труде. Труд анализируется в перспективе индивидуальной свободы, что выводит его из-под влияния политических институтов, таких как государство. Следовательно, труд исчезает с горизонта политической философии¹. А результате труд определяется, во-первых, как инструментальная деятельность, или техническое мастерство работника как инструмента производства. Во-вторых, труд предстает как коммуникативная или кооперативная деятельность, в случае, когда речь идет предписаниях иерархии или правилах интеракции между коллегами.

Вторая нормативная позиция связана со справедливостью. Согласно либеральной традиции понимания справедливости влияние труда на качество жизни вторично. Согласно социалистическому пониманию справедливости как перераспределения вопрос о труде замещается вопросом о его оплате. Проблема труда предстает как

¹ Renault E. Указ. соч. P. 135.

вопрос о занятости как способе получения дохода и обретения социального статуса, а сам труд выступает как техническая и кооперативная деятельность на рабочем месте¹. Потребность в ре-актуализации исторического материализма возникла из-за того, что категории отчужденного или абстрактного труда, с помощью которых Маркс критиковал капиталистическую организацию трудового процесса, практически исчезли из теоретического языка марксистки ориентированной социальной философии. Кроме того, для современной теории общества потеряли важность актуальные требования относительно труда, которые имеют трудящиеся в общественном производстве, организованном согласно требованиям научного менеджмента. Эти требования учитываются в индустриальных исследованиях под рубрикой профессиональных устремлений и более не играют решающей роли в критической диагностике главных проблем современной социальной системы.

Все это побудило немецкого философа Ю. Хабермаса обратиться к реконструкции исторического материализма.

А. Хоннет подробно останавливается на его попытке ре-актуализации исторического материализма. Хабермас замыслил этот проект, положив в его основание теорию коммуникаций. При анализе труда он отталкивается от аристотелевского различения *праксис* и *поэзис*, на которое обратила внимание еще Х. Арндт. Однако в отличие от нее данное различие он использует, чтобы придать intersубъективному пониманию деятельности тот освободительный статус, которое общественный труд имел в теории Маркса.

Маркс сохранил категориальное напряжение между отчужденной и неотчужденной трудовой активностью – между целостным органическим трудом ремесленника и атомизированным механическим фрагментарным трудом². Это напряжение

¹ Там же.

² Honneth A. 1995. P. 39.

постепенно разрешилось в пользу одностороннего концепта труда, который выражает лишь актуальные отношения общественного труда.

Хабермас же расширяет традиционную марксистскую модель деятельности, основанной исключительно на труде как действии с объектами природы, вводя в нее интерессубъективный компонент. Он различает работу (work) и коммуникацию, то есть инструментальный и коммуникативный акт.

Разнообразные правила деятельности, согласно которым организуются инструментальные действия с природой, с одной стороны, и коммуникативные взаимодействия субъектов, с другой, детерминируют две зоны донаучного опыта. С этими зонами Хабермас связывает естественные и гуманитарные науки. Такое различие открывает ему эпистемологический путь для попытки восстановить методологическую структуру исторического материализма.

Свой концепт труда он развивает, используя антропологическую теорию А. Гелена, с одной стороны, и социально-бихевиористскую теорию Г. Мида. Модель коммуникативного действия направлена на то, чтобы покрыть насколько возможно все поле социальной активности. Эта модель является ключевой для него в его интерпретации исторического материализма и имеет такое же значение, как концепция труда у Маркса. С одной стороны, модель позволяет объяснить эмпирический процесс труда, с другой – дает аналитический стандарт, согласно которому уровень свободы, присущий социальным структурам, может быть измерен коммуникативным содержанием их форм интеракции¹.

Освобождение общества от репрессивных форм организации, следовательно, основано на практическом и моральном знании, которое формируется из опыта систематически нарушаемых структур интеракции. Осознание акторами целей взаимопонимания,

¹ Honneth A. 1995. P. 42.

имманентного коммуникативному действию, порождает моральное озарение, которое может вести к социальному освобождению от порабощения. Иначе говоря, с точки зрения Хабермаса именно моральное озарение, возникающее в ходе коммуникативного действия, является толчком к социальному освобождению, а не собственно труд. Тем самым Хабермас растворяет ту связь, которую Маркс установил между общественным трудом и освобождением общества. Практическая моральность, встроенная в инструментальную деятельность, на основе которой трудящиеся могли бы реагировать на обнищание, совершенно исключается из его концептуальных рамок¹.

Хабермас вслед за Марксом понимает труд в терминах органической нехватки, которая принуждает человека к воспроизводству себя посредством инструментального действия. Однако Хабермас элиминирует из своего концепта труда то теоретическое основание, благодаря которому Маркс в его ранних работах интерпретирует акт труда как объективацию человеческих возможностей.

Критикуя Хабермаса, Хоннет пишет, что критический концепт труда должен категориально схватить различие между инструментальным актом, в котором трудящийся структурирует и регулирует свою собственную активность по своей инициативе и согласно собственным знаниям в автономном процессе, и тем инструментальным актом, в котором ни контроль, ни структура отношения с объектом не зависят от него. Хабермас же ограничил себя лишь концептом инструментального действия, которое может быть применимо к любому манипулятивному отношению с объектом².

¹ Там же. Р. 43-44.

² Там же. Р. 44-46.

Осуществленное Хабермасом нивелирование различий сказалось на его проекте реконструкции исторического материализма. Он использует различие между инструментальным и коммуникативным актом, для того, чтобы показать отличие между развитием освободительного сознанием и саморасширением технического знания. При этом коммуникативное действие является для него ключевым¹. Хабермас элиминирует из концепта труда Маркса такое измерение, как объективация в труде человеческих способностей. Тем самым он элиминирует формы сопротивления и эмансипации, укорененные в процессе труде при капитализме.

В структурах символически опосредованного взаимодействия моральное знание конструируется из интуитивных коммуникативных достижений/результатов актора, которые в свою очередь приносят в сознание цели взаимопонимания вопреки общепринятым структурам социальной деятельности. В деятельностной структуре общественного труда, с другой стороны, символически генерализированные результаты манипуляции натуральными объектами встраиваются в техническое знание, которое усиливает контроль над внешней природой. Эта особенность и составляет фундамент концепции исторического материализма Хабермаса².

Сознание социальной несправедливости, формируемое на основе систематической эксплуатации трудовой активности упущено Хабермасом. Процесс рефлексии освобождения, который Хабермас предполагает в коммуникативном акте, радикально прерывается в интерактивных отношениях, которые искажаются существующей социальной структурой, стремящейся восстановить цели взаимопонимания, имманентные отношениям в обществе с репрессивной структурой.

¹ Хабермас Ю. Труд и интеракция // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007 С. 45-49.

² Там же. С. 46.

Признавая заслуги Хабермаса по разрешению кризиса социальной теории, Хоннет пишет, что он придал интересубъективному пониманию как типу действия тот статус, который имел труд у Маркса. Он предъявляет Хабермасу достаточно серьезное обвинение – категориальное элиминирование тех форм сопротивления и эмансипации, которые были укоренены в процессе труде при капитализме¹. В категориальной структуре теории Хабермаса труд всего лишь обозначает субстрат действия, указывающий на развитие социальных сил производства. Напротив, концепт коммуникативного действия становится у него ключевым. При этом Хабермас отличает потенциальную морально-практическую рациональность коммуникативного действия от потенциальной технической рациональности, связанной с интервенцией в природу. Различая два измерения рациональности, Хабермас, как полагает Хоннет, освобождает социальную теорию Маркса от теоретического затруднения, вызванного неясностью границ между технологическим прогрессом и социальным освобождением². В результате произошло категориальное элиминирование тех форм сопротивления и эмансипации, которые укоренены в процессе труде как такового при капитализме.

Ж.-Ф. Дюранти, оценивая вклад Хоннета в восстановление исторического материализма, полагает, что его заслуга состоит в критике ограниченности лингвистического поворота, вдохновившего Хабермаса, и возвращении к источнику антропологического материализма. Все это позволило Хоннету создать материалистическую версию интересубъективного поворота³. Хоннет хотел создать программу ревизии исторического материализма, ведущую к новой фи-

¹ Там же. Р. 39.

² Там же. Р. 40-43.

³ Deranty J.-P. Repressed Materiality: Retrieving the Materialism in Axel Honneth's Theory of Recognition // Recognition, Work, Politics: New direction in French critical theory. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 144.

лософии практики с помощью восстановления альтернативной философской антропологии, выполненной по линии Фейербах–Мид. Это позволило ему объяснить интересубъективную структуру человеческой субъективности и дать материалистический анализ деятельности (индивидуальной и социальной), особенно в труде. Иначе говоря, первая программа Хоннета была построена на антропологии социальной деятельности¹.

По мнению Хоннета, Фейербах дополнил идею сенсорности, укорененной в человеческом организме с идеей априорной интересубъективности человека. Во-первых, фундаментальная «сенсуальность» человека не ограничивается лишь праксеологическим измерением. С точки зрения Фейербаха, рожденная в необходимости осуществлять деятельность, воспринимать и быть открытыми миру базовая сенсуальность человеческого организма обогащает человека силой «созерцания», позволяющего оторваться от мира. Речь идет о человеческой способности воспринимать объекты в их собственной качественной особенности вне и независимо от их интереса, потребности и деятельности. Это способность позволить «вещам быть», сила универсального восприятия, фундаментальная эстетическая чувственность человека является источником человеческой свободы в отношении мира, отличающая его от других животных. Она не противоположна деятельности, но является ее условием².

Различие между Марксом и Хоннетом в том, что для последнего производство размещается на более абстрактном уровне и определяет фундаментальные нормативные рамки, в которых происходят различные формы практики и получают свои значения. Но это движение от материального производства к нормативной ин-

¹ Там же. Р. 144-145.

² Там же. Р. 148-149.

терсубъективной интеракции не является полностью дематериализованным. Социальная деятельность укоренена в органических предпосылках, а не в способе производства. Социальное создается коммуникативной интеграцией вокруг норм и не является результатом диалектики производства¹.

Тот факт, что концепт труда (labour) замещается моральным концептом, не означает отсутствие политической радикальности. Более того, теория признания Хоннета критически более сильна и герменевтически более чувствительна к тому до-научному опыту, в котором теория признания должна быть закреплена. Несомненно, что проект Хоннета основан на политическом императиве.

Рассматривая попытку Хоннета переосмыслить понятие материализма, Дюранти пишет, что в своих ранних работах Хоннет верил, что исторический материализм способен преодолеть свои концептуальные недостатки и устаревшие аспекты некоторых из его диагнозов путем возвращения к своему антропологическому базису.

Решая вопрос о ре-актуализации исторического материализма, Хоннет выделяет три основных направления конструктивной критики марксизма: 1) “game theoretic Marxism”, применяющий методы теории игр в объяснении внутренней логики стратегических действий индивидуальных агентов (аналитическая философия); 2) “culture-theoretic Marxism”, объясняющий логику коллективных действий отсылкой к культурным традициям и интерпретативным моделям; 3) “power-theoretic Marxism”, предлагающий вместо функционалистского объяснения происхождения власти детерминированной экономическим производством искать собственную логику власти². Труд (labor) для Маркса есть фактор производства и самореализация человека, следовательно, в марксистском понятии труда

¹ Deranty J.-P. Указ. соч. Р. 150.

² Honneth A. 1995. Указ. соч. Р. 5.

(labor) объединено то, что позже Арендт обозначает как два типа action-types работы (work) и труда (labor). Арендт осуществила сдвиг парадигмы, но ни один из трех подходов не рассматривает последствия этого сдвига парадигмы от труда (labor). Однако отказ от парадигмы труда ведет к потере связи, посредством которой Маркс связывает теорию освобождения с проектом анализа общества. Все три подхода теряют нормативный потенциал. Поскольку для Маркса труд является важнейшей сферой самореализации человека, то благодаря этому можно нормативно измерить уровень справедливости в обществе. Если концепт труда заменить каким-либо иным концептом action, не имеющем нормативного компонента, то возможность такой нормативной критики будет утрачена¹.

Вопросы для закрепления материала

1. Кто из теоретиков способствовал замещению концепции отчуждения труда как инструмента исследования труда?
2. Как Хабермас обосновывает необходимость ре-актуализации исторического материализма?
3. Какую роль сыграл интересубъективный поворот в этом обосновании?
4. Какие недостатки проекта Хабермаса видит Хоннет?
5. Каким образом Хоннет создает материалистическую версию интересубъективного поворота в исследованиях труда?

2.2. Две стратегии в решении проблемы труда и освобождения

Обращаясь к другим философам, так или иначе связанным с западным марксизмом, Хоннет пишет, что у наследников Маркса есть две фундаментальные стратегии в решении проблемы труда и освобождения:

¹ Honneth A. 1995. P. 11-12.

1) перенос всего освободительного потенциала, которым согласно Марксу обладает конкретный вид труда (work), к практике трансцендентального или коллективного субъекта (Г. Лукач, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр);

2) сужение концепта труда и сведение его к деятельности, направленной исключительно на практическое доминирование над природой (М. Хоркхаймер, Т. Адорно).

В первом случае освободительный потенциал переносится с конкретного акта труда на коллективный процесс обучения рабочего класса, как об этом пишет Лукач в «Истории и классовом сознании». Или на способ жизни, с помощью которого люди конституируют мир, как это делают Маркузе и Сартр.

Хоннет утверждает, что обе эти стратегии используют концепт автономного труда ремесленника, Данный концепт абсолютно неприменим к реальности индустриального труда.

Концептуальная основа обоих подходов, несмотря на различия, раскрыта в эссе Сартра «Материализм и революция» (1946), репрезентирующем главные особенности марксизма гегелевского типа в феноменологической традиции. Сартр онтологически интерпретирует труд как фундаментальный способ деятельности, благодаря которому человек формирует опыт своей собственной свободы. Для Сартра труд здесь идентичен освобождению. Поскольку пролетариат есть социальный класс трудящихся, то он априори квалифицируется как субъект революционного процесса¹.

Адорно и Хоркхаймер, желая сохранить имманентную связь между общественным трудом и освобождением, отказываются от объективистской предпосылки прогресса через развитие производительных сил. Они перемещают потенциал освобождения, который по их мнению не связан с реальностью индустриального труда,

¹ Там же. Р. 36.

к коллективному субъекту, соединяющему все эмпирически разделенные трудовые процессы. Для них труд вообще не имеет статуса потенциально освободительного вида деятельности. Они рассматривают труд в конфронтации с природой. Власть над природой устанавливается с помощью технического контроля. При этом устанавливается контроль и над внутренней природой работника путем подавления потребностей (желаний) и мотивов¹.

Подводя итоги своего анализа сложного теоретического развития концепта труда, Хоннет пишет, что данный концепт утратил свое критическое содержание, свою важность для потенциальной трансцендентности установленных форм труда в обществе. Категории отчужденного или абстрактного труда, используя которые Маркс критиковал капиталистическую организацию трудового процесса, практически исчезли из теоретического языка марксистки ориентированной социальной философии².

Следует сказать, что сам Маркс дал повод для подобной интерпретации, так как связывая общественный труд с освобождением, он отталкивался от той архетипической модели труда, которая могла бы способствовать самораскрытию и самореализации, а именно, от труда ремесленника. Однако модель индустриального труда принципиально иная. Рационализация организации труда на основе принципов Тэйлора лишила работника такой творческой возможности.

Следствием всего этого стал демонтаж освободительного потенциала труда. В результате концепт труда обрел значение «достижения» и «перформанса» (achievement and performance), что привело к вытеснению освободительной важности труда и его нейтрализации³. Анализируя этот процесс, Хоннет полагает, что его начало связано с миграцией индустриальной социологии в период

¹ Там же. Р. 37.

² Там же. Р. 39-40.

³ Там же. Р. 28.

первой мировой войны в сторону науки о продуктивной рационализации (Э. Мэйо)¹. Социальная философия отреагировала на это появлением теорий, которые демонтировали освободительный статус концепта труда, появившегося в дискурсе о труде XIX века. Хоннет, рассматривая такие теории, выделяет здесь две значимые фигуры: М. Шелера и Х. Арендт. Арендт фактически стоит у истоков тренда критики Маркса, цель которой показать ее устарелость.

Хоннет же хочет показать, какое тематическое содержание марксистской теории все еще сохраняет свое значение для критики позднего капитализма. Критикуя Арендт, он рассматривает выделяемые ею три фундаментальные категории действия: интерсубъективную активность, работу (work) и труд (labor). Причем, по ее мнению, работа и труд не имеют социальной природы и представляют собой манипуляции с природой согласно техническим целям. Эти виды активности различаются по результатам – работа дает человеку (homo faber) средства к жизни, а акт труда человека (animal laborans) создает бесконечное множество вещей, сумма которых тотально конституирует его искусственную среду². Он полагает, что Арендт сводит категорию работы (work) всего лишь к механическим затратам воспроизводимой рабочей силы, а человеческую деятельность к поведенческой модели, репрезентирующей этот автоматический режим работы (work). Хоннет подчеркивает, что Арендт применяет то значение работы (work), которое оно обрело в индустриальном производстве, организованном согласно принципам Тэйлора, к анализу работы во всех культурах³.

Иначе говоря, если Маркс применяет модель труда ремесленника к анализу индустриального производства, то Арендт, наоборот, использует модель индустриального труда и применяет ее к анализу доиндустриального производства.

¹ Там же. Р. 30.

² Там же. Р. 33.

³ Там же. Р. 34.

Самый главный упрек, который Хоннет делает в адрес Арендт и ее предшественника в подобном решении вопроса о труде М. Шелера, состоит в том, что они категориально устранили любую потенциально освободительную важность трудового акта¹. В раннем эссе «Труд и этика» Шелер пишет о необходимости обновления традиционного христианского концепта труда путем сближения политической экономики и социальной философии. Труд (work) трактуется как напряженное усилие, внешне контролируемый и регулируемый способ действия, а не самодетерминируемая активность, открытая инициативам. Никакой нормативной важности для конструирования субъективности труду не может быть приписано. Фактически Шелер переинтерпретировал тэйлоровскую организацию труда в сущностную характеристику труда, придавая ему неполноценный статус нерефлексивной формы действия².

Таким образом, рассмотрение проблемы «ухода труда» из общества в перспективе критической социальной теории и проблемы связи общественного труда и теории освобождения свидетельствует об актуализации вопроса восстановления освободительного потенциала концепта труда в критической теории.

Вопросы для закрепления материала

1. Какие стратегии в решении освобождения труда существуют у последователей Маркса?
2. С чем связано исчезновение из марксистки-ориентированного дискурса о труде категорий абстрактного и конкретного труда?
3. В чем особенности рассмотрения труда Хоркхаймеров и Адорно?
4. Почему интерпретация Х. Арендт понятий, характеризующих труд, привела к элиминированию освободительного потенциала труда?

¹ Там же. Р. 34.

² Там же. Р. 31-32.

3. РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА И ОСВОБОЖДЕНИЯ

3.1. Теория признания Акселя Хоннета

Процессы, происходившие в мире труда при переходе к неолиберализму, начавшемуся в конце 70-х годов, еще более актуализировали потребность в разрешении проблемы взаимосвязи общественного труда и освобождения. Этот переход характеризуется следующими знаковыми изменениями, определившими конфигурацию общественного производства: привлечение на низкооплачиваемые трудовые позиции женщин и мигрантов; перемещение производства в страны, которые вскоре стали обозначать глобальный Юг¹; крах мировой системы социализма и как следствие открытость границ для перемещения капитала, интеллектуальной собственности и информации².

Теорией, которая объясняет, как может происходить освобождение трудящихся, стала теория признания А. Хоннета. Хоннет остается в рамках интересубъективного поворота и опирается на теорию коммуникации Хабермаса. В 1992 году он публикует книгу «Борьба за признание», а в статье (1995) «Труд как инструментальное действие» развивает критический концепт труда. Хоннет попытался решить не решенную Марксом проблему – установить мост между антропологически установленным характером труда (work) как акта объективации и исторической ситуацией отчужденного общественного труда³.

¹ Анализ возникшей в ходе глобализации новой географии, исследование формирования новой рабочей силы и новых режимов занятости показывает значимость гендерного фактора в глобальном разделении труда. Речь идет о феминизации пролетариата в развивающихся странах, куда были переведены производства (женщины заняты в производстве одежды, монтаже электронных приборов), о появлении в глобальных городах так называемого обслуживающего класса, в основном состоящего из женщин–иммигранток. См.: Постфордизм. Концепции, институты, практики. 2015. С. 87-94.

² Huws, 2014. P. 19-22.

³ Deranty. Указ. соч.

Сам Хоннет помещал решение этого вопроса в контекст ре-актуализации исторического материализма¹ и восстановления нормативного потенциала категории труда. Именно практически–нормативный уровень и эмансипаторная функция концепта труда интересует Хоннета. При этом Хоннет обращается к введенному Хабермасом понятию инструментального действия, но критически переосмысливает его.

При обосновании концепции признания и анализу овеществления Хоннет обращается к Лукачу, Хайдеггеру и Дьюи. Как пишет И. Инишев, Хоннет использует хайдеггеровский концепт «заботы», включающий в себя как приоритет установки практической вовлечённости относительно установки незаинтересованного наблюдения, так и приоритет «аффективного одобрения» относительно рационального оценивания. Поскольку для Хайдеггера «забота» – это феномен, составляющий «бытие Dasein», его аффирмативный характер также получает своего рода «онтологический заряд». Далее, он применяет легче поддающиеся социологической адаптации концепты Д. Дьюи, благодаря которым выстраивает «мост к категории признания»².

Другой опыт создания онтологии труда принадлежит Т. Мэю. Хотя он не принадлежит к критической теории, но ему удалось реализовать то, что когда-то замыслил Хабермас, – онтологически расширить природу труда, применяя философию Хайдеггера. Отталкиваясь от хайдеггеровской «онтологии благодарения», он рассматривает труд через призму благодарного отношения к бытию

¹ Обзору теорий и историографии, посвященной теме исторического материализма в западной и отечественной социальной философии и теории, посвящена статья Л. Гринина, 2016. К сожалению, в статье не анализируется опыт критики исторического материализма, предпринятый в работах классиков современной критической теории Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, а также А. Хоннета.

² Инишев И.Н. Признание, амнезия и социальные патологии: Хайдеггер и социальная патология третьего поколения Франкфуртской школы // Топос. 2007. № 3(17). С. 144-152.

и определяет его как акт дарения¹. Однако этого недостаточно, чтобы прояснить смысл труда, поэтому он обращается к Рикеру и использует его концепцию взаимного признания и теорию метафоры. Труд в таком случае предстает как метафора, которая «находится на полпути между необходимостью и открытым горизонтом данности и благодарности»².

А. Хоннет тематизирует вопрос о труде в контексте аналитики признания, являющегося категорией интерсубъективности. Именно по этой причине, как пишет А. Михайлов, теория признания нацелена на вскрытие «логики социальных конфликтов», и является продолжением исследований, проводившихся немецкими (М. Вебер) и французскими социологами начала XX в. Именно социология впервые показала роль моральной мотивации личности в конфликте, а также начала исследовать взаимосвязи, в которых находятся новые социальные движения и системы более высокого уровня (нравственно-этические нормы). Новизна подхода Хоннета заключается в том, что мотивы конфликта или «протеста» не интерпретируются им как проявление «интересов»³.

По мнению Хоннета, Маркс рассматривал классовую борьбу не как стратегический конфликт за блага или полномочия власти, а как моральный конфликт, в котором угнетенный класс борется за обретение социальных условий, в которых бы он бы достиг самоуважения. Хоннет считает, что эта интуиция Маркса должна быть принесена в современную социальную теорию. Необходимо рассматривать социальное развитие с точки зрения борьбы за социальное признание⁴. Хоннет, следовательно, предлагает парадигму

¹ Mei T.S. Heidegger, work, and being. London; New York, 2009. P. 108-109.

² Ibid. P. 137.

³ Михайлов И.А. «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А. Хоннета // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции. М.: ИФРАН, 2012. P. 94.

⁴ Honneth A. 1995. P. 13.

признания сделать достойным развитием парадигмы труда Маркса. Он полагает, что эта парадигма смогла бы связать теорию освобождения и анализ общества в теории действия (action). Процесс борьбы за признание конституируется моральными нормами, благодаря чему капитализм может быть подвергнут критике из-за нарушенного признания¹.

Хоннет при обосновании морального знания, мотивирующего на борьбу за признание, отталкивается от концепта присвоения, разработанного французским социологом Берно. Согласно Берно, работник постоянно нарушает трудовой процесс, устанавливая собственный ритм; символически присваивая пространство своей работы; применяя свои собственные техники труда; реорганизуя фабричные технологии. Все это есть попытка восстановить контроль над процессом труда и вернуть внешне детерминированный процесс в горизонт автономно планируемой и контролируемой трудовой активности. Исходя из этого Хоннет заключает, что моральное знание, воплощенное в эти нарушения, ориентировано на освобождение работника не от барьеров коммуникативной деятельности, а скорее от преград инструментальной. В таком случае осознанный труд тэйлоровского типа всего сопровождается оппозиционными практиками, с помощью которых работники совместно восстанавливают контроль над своей собственной трудовой активностью².

Теорию признания Хоннета справедливо критикуют за отсутствие дифференциации социальных конфликтов, в результате чего конфликты о признании идентичности становятся однопорядковыми с социально-экономическими конфликтами распределения или конфликтами политического представительства. Кроме того,

¹ Там же. Р. 14.

² Там же. Р. 48.

теория признания акцентирует внимание на личностных и психологических аспектах конфликтов, что ведет к психологическому редуционизму.

Французский исследователь Рено, критикуя теорию признания Хоннета, предлагает следующие направления развития: если теория признания намерена создать критическую концепцию труда, то должна более точно описать связь между признанием и трудом. Хоннет же устанавливает связь между занятостью и признанием. Он полагает, что потребность в признании один из главных стимулов борьбы за перераспределение путем увеличения оплаты труда. Такая связь гораздо легче устанавливается, чем связь между трудом и признанием, так как зарплата и социальный престиж профессии предстают как социальная оценка активности человека. В теории признания, следовательно, нормативным компонентом труда является занятость. Рено предлагает сделать следующий шаг для развития критической концепции труда – описать связь между признанием и трудовой активностью¹.

Вопросы для закрепления материала

1. На какие теории опирается Хоннет, пересматривая концепт инструментального действия Хабермаса?
2. Как Хоннет обосновывает борьбу за признание?
3. В чем недостатки его теории признания?

3.2. Теория психодинамики труда Кристофа Дежура

Однако в ходе своего развития этика признания все более фокусировалась на узко понимаемых интересубъективных интеракциях и репрессировала те материальные связи, которые связаны с

¹ Renault. Указ соч. Р. 140-141.

этими интеракциями. Дюранти, критикуя Хоннета, предлагает переосмыслить материальные связи, что позволило бы построить более основательную модель критической теории¹.

«Моральный монизм» Хоннета связан с программой Франкфуртской школы, лозунгом которой стало выражение «трансцендентное внутри имманентного». Первый шаг в его интеллектуальной траектории – сформировать «интерсубъективную» позицию в неомарксистских дебатах. Переход от коммуникации к признанию у Хоннета объясняется желанием избежать дуализма системы и жизненного мира в теории социальной интеграции².

Интеракционистский сдвиг в теории Хоннета означал фокус на полюсе объекта, восстановление не-человеческих медиаций, которые взаимодействуют с меж-человеческими интерсубъективными интеракциями. Однако, как пишет Дюранти, ответный тезис в отношении объективной обусловленности субъективности не менее значим. Но, к сожалению, он остался неисследованным Хоннетом. Реальная проблема, возникающая здесь – интеракция между интеракциями, т.е. отношением к объекту и интерсубъективностью.

Хоннет выделяет три фундаментальные интеракции: горизонтальную – субъект–субъект; вертикальные: с не-человеческими объектами и интеракции индивид–институты. Такое членение основано на той трактовке «я», которое дает Мид, развивая теорию фейербаховского объекта как квази-Я. «Я» зависит, с одной стороны, от отношения с другими индивидами и в конституировании своей субъективности, и в структурировании своего восприятия. С другой – «я» может стать объектом для объекта, задуманного, как квазисубъект. Я осознаю свое собственное тело, как самоидентифицируемый временный объект, но лишь через посредничество материального мира я владею моим телом как собственным. Субъективность может

¹ Deranty. Указ соч. Р. 138.

² Там же. Р. 142.

быть основана на интересубъективности, и, действительно, социальных отношениях, но они могут воплотиться только посредством материального и в материальном мире¹.

Дюранти пишет, что, возможно, сейчас наступило время дополнить теорию признания и подчеркнуть важность вещей не просто как пассивных символов и носителей интересубъективности и социальных интеракций, но и их самих их материальности. Материя, предметы, вещи, инструменты, станки обладают умением совершать человеческие действия там, где это не предполагалось, сопротивляться человеческим усилиям по их форматированию, а также придавать человеческим намерениям значения, которых у них не было².

В более поздних работах Хоннет по-новому истолковал нормативный аспект работы, утверждая, что люди требуют, чтобы их признавали не только как универсальных субъектов прав, но и их достижения. Признание в работе и посредством работы относится не только к признанию способностей и личного вклада в разделение общественного труда, но и признание продукта их труда³.

Микроанализ трудовой ситуации, по мнению Дюранти, открыл бы многие аспекты признания, так как сфера автономии работников даже с низкой квалификацией существенно расширилась в пост-фордистской организации труда⁴. Дюранти ссылается на французского теоретика К. Дежура, признание, которое имеет важнейшее значение для облегчения опыта труда с потенциально патогенными элементами происходит и на горизонтальном среди коллег, но также и вертикальном уровне иерархии. Поскольку современный работников просят все активнее и активнее вовлекать в работу всю

¹ Там же. Р. 156-157.

² Там же. Р. 147.

³ Там же. Р. 158.

⁴ Там же. Р. 160.

их личность для успеха бизнеса, то требования символической компенсации с точки зрения признания их конкретного вклада в эту работу также увеличиваются¹.

Оценивая положительные стороны теории признания, Дюранти заключает, что концепт признания действительно является критическим и описательным, позволяющим подойти к сфере труда (work) как существенному вектору субъективации в современных обществах. Но этот концепт необходимо дифференцировать. В частности, путем анализа сложных и разнообразных способов, которыми символическое, межчеловеческое социальное признание неразрывно связано со сложным противостоянием работающих субъектов с сопротивлением реального, каким бы невещественным оно не казалось².

Позднее Дюранти, рассматривая траекторию движения мысли Хоннета относительно труда, отмечает, что нормативное основание критики современной экономики перешло от антропологии труда к социальной теории труда. Он рекомендует Хоннету сохранить ранний подход и, отказавшись от антропологического описания критической концепции работы (work), осуществить его в психологических или феноменологических терминах³. Это позволит рассмотреть труд в субъективной перспективе работника или в перспективе субъективной экономики. Такую попытку предпринимает французский исследователь К. Дежур, рассматривающий труд в «психодинамической перспективе, что позволяет развить дальше критическую теорию труда.

Вектор субъективации в трактовке труда явственно обнаруживается в теории психодинамики труда Кристофа Дежура, который интерпретирует труд в традициях немецкой критической теории и

¹ Там же. P. 160.

² Там же. P. 160.

³ Deranty J.-P. Expression and Cooperation as Norms of Contemporary Works // *New philosophies of labour: work and the social bond*. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 152.

Франкфуртской школы. Ни одно исследование не сделало больше для того, чтобы оживить интерес к миру труда, чем Кристоф Дежур, пишет Дюранти¹. В отличие от Хабермаса и Хоннета он делает акцент на материальных измерениях признания. Главная его поправка состоит в том, чтобы показать, что одной из важнейших форм признания в ситуации труда, является признание того, что ты делаешь, а не того, кто ты есть². Речь идет, во-первых, о навыках и воплощенных в теле работника способностях, которые, являясь социально опосредованными, связаны с телесностью. Телесность же может быть верно описана только с отсылкой к чему-то подобному, объективному, не-человеческому, не-субъективному порядку реальности. Во-вторых, работники требуют признания того, что работа (work) заключается в преодолении препятствий со стороны реальности, преодолении сопротивления задачам, которые являются структурным нарушением человеческой субъективности³.

Применение такой модели субъекта для определения работы (work) позволило ему поставить проблему социальной организации труда (labor) в качестве центрального политического вопроса, вместо возвращения к покинутой метафизике труда (labor). Тем самым он восстанавливает важную, но утраченную нить критической социальной теории и делает это операциональным для мощной критики неолиберального общества. Дежур показывает, как возвращение к старым материалистическим референциям может возродить критическую социальную теорию⁴.

Проблема, которая интересует Дежура: что может внести теория психодинамики труда в изучение отношения труда и субъективности? Если мы хотим связать субъективность с теорией действия/деятельности, то должны провести точный анализ

¹ Deranty, 2007. P. 8-9.

² Там же. P. 8.

³ Там же. P. 9.

⁴ Там же. P. 9-10.

взаимоотношений между работой и жизнью. По его словам, психодинамика работы – это, прежде всего, клиническая дисциплина, основанная на описании и знании отношений между работой и ментальным здоровьем. Но это также теоретическая дисциплина, задача которой определить возможность применения результатов клинического исследования отношения к работе к разработке теории субъекта с учетом влияния как психоанализа, так и социальной теории¹. Дежур отталкивается от клиницистского значения термина работа, подразумевающего жесты, ноу-хау, вовлеченность тела и интеллекта, способности анализировать, интерпретировать и реагировать на ситуации. А также способности чувствовать, думать и изобретать. Он делает акцент на том, что работа связана, прежде всего, не с заработной платой или занятостью, а с тем, как личность вовлечена в решение трудовой задачи, достижение которой подвержено материальным и социальным ограничениям². Он вводит понятие сопротивления реальности в ситуации достижения цели трудового акта. Следующий важный момент, на который он указывает – разрыв между предписанной и реальной ситуацией трудового акта. Действительно, обычные рабочие ситуации изобилуют неожиданными поломками, инцидентами, операционными аномалиями, организационной непоследовательностью, которые просто невозможно предсказать. Все это вытекает из материалов, инструментов и станков, а также от других рабочих, коллег, боссов, подчиненных, команд, цепочка инстанций, клиентов и так далее.

Таким образом, работа означает установление преодоление разрыва между предписывающей и конкретной реальностью. Иначе говоря, это путь, который должен быть проложен между предписывающим и реальным, должен постоянно придумываться субъектом,

¹ Dejours C. Subjectivity, Work, and Action // Recognition, Work, Politics: New direction in French critical theory. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 71.

² Там же.

который работает. При этом именно скрупулезное исполнение инструкций препятствует нормальному течению трудового процесса¹.

Сопrotивление реальности трудовым усилиям человека выражено в амбивалентности слова «труд», которое отмечается многими исследователями². С одной стороны, труд является деянием, а с другой – страданием, усилием. Английское *labour* и итальянское *lavorare* происходят от слова *laborare* – страдать, французское слово *travailler* и испанское *trabaja* взаимосвязаны со словом *tribuler* – мучить, пытаться, слово *tripolium* – инструмент пытки³. Аналогично этому в немецком языке *Tätigkeit*, *tätig sein* имеют значение активности, а *Werke*, наоборот, усилия⁴.

Признание играет не просто решающую роль для формирования субъективности, а конститутивную роль, имеющую свое собственное, конкретное нормативное воздействие. Признание – это также то, что работник получает или ожидает от экспертов и коллег за то, что они смогли «обмануть» сопротивление материи. Сегодня такое видение труда может показаться чрезвычайно наивным, учитывая тот факт, что работа стала, как и само общество, все более и более «нематериальной» и «неформальной»⁵.

Дежур определяет работу как «деятельность, которая требуется от субъектов для заполнения разрыва между предписаниями и реальностью работы»⁶. Это определение само по себе показывает, как

¹ Там же. С. 72.

² Такое понимание работы отсылает к значениям индоевропейских трудовых терминов, в которых интуитивно схвачено страдание и одновременно действие. См.: Panneberg v. W. Fluch und Segen der Arbeit: Das Phaenomen menschlicher Arbeit aus theologischer Sicht // *Zukunft der Arbeit: Einsichten und Aussichten*. Stuttgart, 1989. S. 21.

³ Neuberger O. *Arbeit: Begriff – Gestaltung – Motivation – Zufriedenheit*. Stuttgart: Enke, 1985. S.2.

⁴ Nell-Breuning O. *Arbeit – was ist das? // Mensch und Arbeitswelt*. Stuttgart, 1984.

⁵ Deranty, 2007. P. 159.

⁶ Dejours C. *Travail, Usure Mentale*. Published by Bayrd Adulte, 2015. P. 213.

замысловато переплетение инструментальных и интересубъективных требований, с их соответствующими прорывами и обещаниями в отношении трудящегося. Оно показывает, что существует настоятельная необходимость в обновлении исследование «критической концепции работы», которую Хоннет создал двадцать пять лет назад. В более широком смысле это оно призывает критическую социальную теорию реинтегрировать измерение материальности, который так хорошо выделили основатели критической традиции¹.

Вопросы для закрепления материала

1. В связи с чем возник интерес к материальности в теории признания Хоннета?
2. В чем суть поворота к материальности, осуществленного К. Дежуром?
3. Что значит сопротивление реальности и какую роль оно играет в определении труда Дежуром?
4. Как Дежур определяет труд?

3.3. Применение теории признания в политической философии

Разработанная Хоннетом теория признания была применена в политической философии. Дело в том, что, как пишет Рено, нормативные модели, существующие в политической философии, не дают возможности ясно выразить важность нормативных ожиданий, которые люди ассоциируют с трудом, а также принять во внимание факт, что для многих людей труд остается главной проблемой социальной жизни. Другими словами, проблема труда показывает неспособность политической философии иметь дело с тем, что возникает перед людьми как реальная нормативная

¹ Deranty, 2007. P. 160.

проблема¹. Рено предлагает преодолеть эти недостатки, адресуя исследователей к трем проблемам: каковы нормативные допущения «критической концепции труда»; что в концепции труда позволяет описать его как трудовую активность; что в концепции социального позволяет ясно выразить переживаемую в труде нормативную проблему².

Он выделяет три определения труда как активности: 1) труд как техническая активность по производству благ и услуг в данных материальных условиях; 2) активность по координации/кооперации, необходимость которой обусловлена разделением труда; 3) трудовая активность заключается в изобретении инноваций особых интерпретаций правил. Вместе с тем Рено признает, что концепции Хоннет и Дежура открывают дополнительные возможности, и, каждый из них предоставляет концептуальные рамки, в которых могут быть интегрированы теоретические цели другого³.

Именно третья проблема, как он полагает, поможет раскрыть роль труда в социальной теории. Если концепцию труда применять в социальной критике труда, то следует рассматривать социальные процессы, которые продуцируют нормативные проблемы. Однако, в интеракционистской парадигме этого невозможно сделать, так как социальное в таком случае будет сведено к социальным ролям и правилам. Далее, нельзя рассматривать социальное как связи социальной поддержки, как это предлагается в социальной психологии (Латур). В таком случае интеракционистский подход и подход социальной поддержки должен быть дополнен теорией господства⁴. Анализ опыта несправедливости в труде не может быть реализован без анализа социальных отношений господства. Они объясняют нашу уязвимость на рабочем месте, уязвимость, которую нельзя

¹ Renault. Указ. соч. Р. 138.

² Там же.

³ Там же. Р. 141-146.

⁴ Там же. Р. 146-147.

объяснить только хрупкостью социальной поддержки. Отсюда следует необходимость развивать теорию господства в перспективе критической концепции труда¹.

Однако, как замечает Рено, теория признания была развита Хоннетом как теория справедливости и социальной поддержки. Но Хоннет не принял к сведению даже символическое господство и никак не рассматривал отношения господства². Что касается Дежура, то он рассматривал социальные отношения господства на работе в контексте страдания на работе и социальных условий здоровья. Но он не прояснил ни отношения между признанием и господством, ни общее определение социального господства, что предполагал его анализ³.

Эту задачу попытался решить Б. Гулли. Радикализируя онтологию труда с помощью теорий Фуко, Агамбена, Вирно, Нанси, он пытается спасти идею освобождения. Гулли интересуется проблема, также не решенная Марксом, – различие между производительным трудом и непроизводительным трудом. Гулли считает, что деление на продуктивный и непродуктивный труд появилось лишь при капитализме и имеет смысл лишь в отношении капитала. Сам по себе труд (*labor*) не является ни продуктивным, ни непродуктивным, нейтрален по своей природе. Концепт труда включен во все конкретные формы труда, сведенные при капитализме к продуктивному и непродуктивному труду, которые в реальности являются моментами живого труда⁴. Он определяет труд как «живой труд», так как «живое» составляет его сущность. Живой труд есть субъективная сила труда, которую капитал как вампир сосет для машинерии,

¹ Там же. Р. 148.

² Там же.

³ Там же. Р. 149.

⁴ Gulli B. *Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture*. Philadelphia, 2005. P. 1.

аккумулирующей живой труд в форме «мертвого труда»¹. В онтологическом смысле труд есть человеческая деятельность, которая сопровождает жизнь человека. В этом широком смысле все виды труда – продуктивный, непродуктивный, материальный, нематериальный, эмоциональный, артистический и т.д. могут быть обозначены как сила, которая движет и оформляет весь спектр социального. Цель радикальной онтологии труда состоит в том, чтобы показать, что лучший мир возможен при условии уничтожения логики эксплуатации, а также в обосновании того, что решение этой задачи лежит на плечах труда². Проблема исчезновения труда решается им путем различения труда (*labor*) и оплачиваемой работы (*job*). Общество будущего есть *jobless*, в нем нет работы, но труд, онтологически рассматриваемый им как человеческая чувственная деятельность, остается. Это творческая сила, реализуемая в производстве, охватывающем весь диапазон человеческой деятельности от экономики до культуры. Производство становится художественным производством, а искусство, подобно труду, – конститутивной силой этого мира³.

Рено заключает, что проблема труда не только открывает возможности развития теории признания как критической концепции труда, но также открывает возможность развить социальную теоретическую часть этой теории⁴.

Смит в свою очередь предлагает использовать нормативные модели труда как рамку, в которой можно понять «патологии» труда и дискомфорт, связанный с ним. Все рассмотренные нами концепции труда, начиная с Арендт, включая Хоннета и Дежура, относятся к нормативному критицизму пост-гегелевской традиции. Все они претендуют на выделение ядра норма, которые бы помогли понять,

¹ Там же. Р. 11-12.

² Там же. Р. 132-133.

³ Ibid. Р. 173-175.

⁴ Там же.

что такое труд сегодня. Смит выделяет следующие три модели: инструментальную, экспрессивную, модель признания. Ядро норм в инструментальной модели составляют целерациональные нормы. Рациональное ядро современного труда есть инструментальная причина и нормативное ядро, которые могут помочь в освобождении труда. Цели труда не являются внутренними для него, а формируются извне, из материальных условий человеческого существования и естественных потребностей. Согласно второй модели, напротив, ядро норм труда являются внутренними для него. Ядро норм труда составляют выражения ценностей (expressions of values) или значения, которые имманентны процессу труда как таковому. Актуальный мир труда исторически конституируется специфическими нормами труда, которые трудящийся применяли к себе и мобилизовали себя в борьбе за эмансипацию. Третья модель связана с признанием либо качеств трудящегося, либо его трудового вклада¹.

Следовательно, применение теории признания в политической философии позволяет развить критическую концепцию труда, а для самой теории признания решить актуальную для нее задачу тематизации и решения вопроса о господстве.

Подводя итоги следует сказать, что Хоннет пытается вернуть труду освободительный потенциал, рассматривая его как инструментальное действие, совершаемое в опыте более или менее удовлетворенных моральных требований. Логика «трансцендентального прагматизма» позволяет найти в моральном опыте мотивационную основу для критики общества, проявляющуюся в форме борьбы за признание. Вслед за Хабермасом он обращается к гегелевскому концепту борьбы за признание в силу его способности выполнять роль «внутримирской трансценденции». Моральная уяз-

¹ Smith N.H. Указ. работа. P. 181-183.

вимость работника следует из экспроприации всей его трудовой активности. Моральное знание, конструируемое на основе такого опыта, воплощается в акты труда, требующего своей автономии¹. Рассматривая сопротивление в плоскости морали, полагая, что угнетенные борются за достижение самоуважения, он делает вывод, что освобождение угнетенных становится возможным благодаря действию морального знания, формируемого в опыте систематически нарушаемых структур интеракции. Триггером, запускающим борьбу за признание, являются чувства гнева, боли и стыда, возникающие у людей, которым отказано в признании². Это и составляет моральную грамматику социальной борьбы.

Развивая эту концепцию труда, определяемого в парадигме признания, К. Дежур учитывает не только моральное знание, но и материальное измерение борьбы за признание. Понимая труд как преодоление сопротивления реальности, вызывающее у субъекта чувства потери силы, разочарования и гнева, он акцентирует внимание на аффективной манифестации реальности в отношении работника. Под реальностью подразумеваются не только техника и технологии, но и отношения с коллегами, боссами и подчиненными. В работе человек и его тело ощущают мир в фундаментальном отношении страдания. Аффективное страдание является толчком к поиску средств преодоления сопротивления реальности, выходу за пределы самого себя и достижению признания. Труд осуществляется в аффективном опыте страдания, патологии. Поскольку не может быть страданий без тела, претерпевающего его, умелость, ловкость, виртуозность и технические ноу-хау – все это результат этого аффективного опыта. Материальность признания выражается в том, что тело в целом, а не только мозг, является локусом интеллекта и мастерства в труде, цель которого присвоить мир.

¹ Honneth A. The fragmented world. P. 47

² Honneth A. The Struggle for Recognition. P. 136.

Вопросы для закрепления материала

1. В чем важность теории признания для политической философии?
2. Рассматриваются ли в теории признания Хоннета и Дежура отношения господства?
3. В чем важность проблемы труда для развития теории признания как критической концепции труда?

4. БУДУЩЕЕ ТРУДА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЛЕВЫХ ТЕОРЕТИКОВ

4.1. Мутации труда и платформенный капитализм

Мутации, произошедшие с трудом в последние десятилетия, заставили исследователей поставить вопрос о труде в ином ракурсе. Появление всемирной сети, удешевление телекоммуникаций (ИСТ), применяемых в организации труда размывли границу между «работой» и «домом». Флексибельность, достигаемая благодаря удаленному рабочему месту, и увеличивающая неоплачиваемый труд, парение между «трудом» и «игрой» в интернете постепенно свели на нет те параметры, которыми работа (job) измерялась прежде¹. Мировой экономический кризис 2007–2008 годов, вызванная им безработица затронула прежде всего молодых людей, выросших в телекоммуникационной среде и ныне использующих в ней свои навыки для поиска труда. Приобретенная ими благодаря ИТ готовность к переменам, стремление к игре и получению удовольствия в жизни онлайн стали причинами размывания границ между этими формами активности и работой. Кроме того, благодаря Интернету и ИТ технологиям молодые стали конкурентами не только на национальном рынке труда, но и по всему миру².

М. Лазаротто, анализируя эти новые феномены, вводит понятие нематериального труда. Фокусируясь на коммуникативном действии, он предлагает рассмотреть труд в перспективе переопределения категорий производства и потребления. С его точки зрения в постфордистском производстве потребление становится продуктивным, а потребитель становится непосредственным участником производства. Имеется в виду, конечно, потребление информацион-

¹ Huws, 2014. P. 19-22.

² Там же. P. 22-24.

ного и культурного контента. Нематериальный труд «постоянно порождает и преобразует формы и условия коммуникации, которые в свою очередь играют роль интерфейса, регулирующего отношения производства и потребления»¹. Лазаротто имеет в виду различные виды автономной работы «на себя», возникшие в среде телекоммуникаций, онлайн-платформ, организованные иначе, чем наемный труд на контрактной основе. Такой труд все более интеллектуализируется.

Лазаротто подчеркивает, что он реализуется благодаря способности инициировать и управлять продуктивным сотрудничеством, то есть автономен. Нематериальный труд, следовательно, не сводится к исполнению лишь одной предписанной инструкцией функции в производстве². Так вводится освободительный компонент в концепт нематериального труда. Лазаротто считает, что эти виды труда начинают повсеместно доминировать в общественном производстве. Однако вряд с этим можно согласиться. Все же на настоящий момент доминирует модель контрактного труда, как развитых, так и странах «второго мира».

Формы жизни в модусах коллективности и сотрудничества, являясь источниками инновации, становятся частью производства. Для осмысления отношений нематериального труда и общества Лазаротто предлагает обратиться к М.М. Бахтину, в оптике теории которого творческий труд, в котором стираются границы между физическим и умственным трудом, является общественным процессом. С точки зрения М.М. Бахтина для выражения «духа капитализма» полифонический роман Достоевского подходит как нельзя лучше, так как здесь сталкиваются разнообразные социальные и культурные миры, существовавшие до того изолированно.

¹ Лазаротто М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] //Художественный журнал. 2008, № 69. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369> (дата обращения 11.09.2023).

² Там же.

Применительно к нематериальному труду, где коммуникация является важнейшим моментом, бахтинское понимание полифонии как сочетания индивидуальных волей, совершающих принципиальный выход за пределы одной воли, к их сочетанию и, в конечном итоге, – воле к событию¹.

Такая перспектива открывает новые горизонты в описании субъективности современного работника и его труда.

Однако «нематериальность» труда все же вызывает возражение. Дюранти указывает, что сервисный труд, какие бы услуги он не производил, в основе имеет несокрушимый материальный базис, будь то туризм, общественное питание, транспорт, или телекоммуникации, информация, технологии. Во всех этих областях, обслуживание включает в себя материальную поддержку – даже если телефонная компания описывает себя как поставщика услуг, то телефон и обслуживание телефонной связи возможно только по материальным элементам. Неоспоримая абстрактность и усложнение объектов не должны вести к заключению, что весь мир современной экономики стал нематериальным. И эта материя оказывает сопротивление и обструкцию – провода рвутся, и т.д. В сердце обмена и трудового процесса находится материальный элемент². Этот аспект работы, конфронтация работающих субъектов с материей, предметами и машинами, «хитрость», как сказал бы Гегель, с которой нужно бороться с материей, обходить, обманывать при посредничестве с другими материальными объектами, и возвращает труду его материальный характер.

Особое внимание вызывают новые формы организации труда и эксплуатации, возникшие в результате появления обозначенных феноменов научно-технического прогресса. Использование онлайн-

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. С. 22-25.

² Deranty. Указ. соч. С. 159.

платформ кардинально изменило систему найма на работу. Отныне работодатель может нанимать работников в режиме онлайн, а работник осуществлять таким способом свои трудовые функции¹. Возник новый тип наемных работников – кибертариат (cybertariat). Начиная с 2015 года цифровые технологии стали широко применяться в организации и конституировании труда, а использование смартфонов расширило возможности фрилансинга. Сформировалась экономика “on-demand” (по требованию), использующая “crowd labor” – временный найм работников². По оценкам американских экспертов у 2015 году каждая из трех глобальных трудовых «транзакций» будет осуществлена онлайн как часть экономики “on-demand”, использующей лишь временный найм работников.

Ставя вопрос о кибертариате, Урсула Хьюз, исследует способ, которым передовые информационные и коммуникационные технологии открыли новые области накопления капитала: в культуре и искусстве, в приватизации общественных услуг и в коммерциализации человеческой социальной активности с помощью мобильных устройств и социальных сетей. Все это сопровождается драматической перестройкой условий труда, что открывает путь новых форм трудовой солидарности и борьбы по всей планете³.

С особой изощренностью эксплуатации подвергаются работники в тех азиатских странах, куда транснациональные корпорации переместили свои производства. Такая система эксплуатации возникла в цифровую эпоху благодаря сговору транснациональных корпораций с государственными органами этих стран. Описывая опыт тайваньской компании Foxconn, крупнейшего производителя

¹ Srnicek N. Platform capitalism: monograph. Cambridge, UK. Polity Press. 2017. P. 36-92.

² McChesney R. W., Nichols J. People get ready: the fight against a jobless economy and a citizenless democracy. New York, 2016. P. 71.

³ Huws, указ. соч.

электроники в мире, сотрудничающей с Apple, автор водит понятие iSlavery (электронного рабства)¹.

Левые теоретики, анализируя эти процессы, приходят к выводу, что пропасть между потенциалом, который новые технологии несут обществу, и реальностью последствий их реализации, несут себе угрозу капитализму. Барьером раскрытия потенциала общества выступает сам капитализм².

Рост интеллектуализации труда, размывание границ между «работой» и «домом», использование онлайн-платформ, превративших капитализм в платформенный, изменили саму организацию труда. Сущность платформенного капитализма заключается в монополизации платформами баз данных, их анализ, использование и продажа. Все это привело к появлению нового типа наемных работников, который левые теоретики обозначили термином кибертариат. Кибертариат исполняет чаще всего малооплачиваемую, сервильную и социально незащищенную работу.

Необходимость философского осмысления указанных явлений и процессов привела к постановке проблемы труда и досуга, введения безусловного базового дохода (ББД) и сопряженных с этим вопросов об идентичности человека и трудовой этики.

Вопросы для закрепления материала

1. Что такое нематериальный труд, согласно М. Лазаротто?
2. Что собою представляет платформенный капитализм?
3. Какой аргумент выдвигает Дюранти, критикуя концепцию нематериального труда Лазаротто?

¹ Qiu J. Linchuan. Goodbye iSlave: a manifesto for digital abolition. Urbana, 2016. P. 6-7.

² McChesney R. W., Nichols J. 2016. P. 21.

4.2. Левое движение и будущее труда

Наиболее известным сторонником алармической позиции относительно будущего труда является Г. Стэндинг, диагностировавший появление прекариата – нового класса обездоленных, возникших в эпоху глобализации и глубинных трансформаций труда в высокотехнологичном обществе¹. По его мнению, в эпоху глобализации финансисты и неолиберальные политики способствовали созданию глобальной производственной системы сетевых предприятий и гибкой системе сетевых отношений. Центральным аспектом глобализации стала коммодификация, распространившаяся на все институты общества – семью, образование, институты социально-трудовых отношений, институты государства, профессиональные сообщества. Это разрушило соглашения, связанные с выполнением трудовых обязанностей².

Растущая прекаризация населения и появление прекариата – «нового опасного класса» угрожает, по словам Стэндинга, социальной стабильности. Для решения этой проблемы предлагается ввести безусловный базовый доход (ББД), мыслимый как «социальные дивиденды», как возвращение прошлых инвестиций³. В связи с этим возникает вопрос о культурных препятствиях для перехода к пост-трудовому обществу, где люди больше не привязаны к своей работе (job) и свободны творить свою собственную жизнь. Речь идет о западной трудовой этике и идентификация человека, определяющего себя через труд⁴. Преодоление этих препятствий возможно, как считают Срничек и Уильямс, только при условии культурного сдвига в понимании труда (work) отказе от представления о труде (work) как

¹ Стэндинг, Гай. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 2-11.

² Там же. С. 52-53.

³ Там же. Р. 1-31.

⁴ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. М., 2019. Р. 112-124.

работе (job), о наемном труде (wage labor) как времени и усилиях, продаваемых кому-то в обмен на доход¹.

Проблему трудовой этики и «трудового общества» ставит Д. Гребер, но не в контексте пост-трудового общества и всеобщей безработицы, а, напротив, в условиях возрастания бредовой работы (job). По его словам, Запад стал «цивилизацией, основанной на работе, – даже не на «производительной работе», а просто на работе, смысл и цель которой заключаются в ней самой»². Чаще всего это симуляционная деятельность, порождаемая противоречием между профессионалами и внутривнутрипрофессиональной и внепрофессиональной бюрократией, стремящейся захватить власть и устанавливать стандарты и нормы профессии³. Трагичность ситуации работника в культуре постсовременности выражается в том, что ценность человека определяется его работой (job), уровнем их продуктивности. Без работы, вне универсума труда человек ничто. Более того, труд сам стал своего рода религией, обосновывающей моральную ценность труда, приписывающей труду моральную природу⁴.

К такого рода бредовой работе относятся усилия безработного по заполнению бумаг, походы на биржу труда, необходимые для получения рабочего места. Стэндинг называет такую работу “work for labor”⁵.

Такая работа для получения возможности трудиться не имеет рыночной стоимости, а значит, в рыночных условиях «невидима», что девальвирует ее. Стэндинг однако предлагает придать такой ра-

¹ Там же. Р. 85.

² Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М., 2020. С. 30

³ Профессиональная культура. М., 2014. С. 34.

⁴ Гребер. Указ соч. С. 20.

⁵ Здесь приведена цитата из оригинала на английском языке, так как автор различает work и labour, а переводчик не учел этой тонкости. См.: Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. London, New York, 2011. P. 137-138.

боте позитивный смысл и придать высокий статус через определение ее как деятельности, обеспечивающей социальное бытие. Сюда относится любая деятельность, осуществляемая для улучшения личностных отношений и публичного участия в жизни сообщества. Его тезис – «спасти работу (work), не являющуюся трудом (labor) и досуг, не являющийся игрой»¹.

Главным при определении труда становится вопрос о субъективности. Лазаратто, говоря о производстве субъективности использует делезовский концепт машины, с помощью которого объясняет социальное подчинение и машинное порабощение. Под машинами он подразумевает семиотические «наборы», состоящие из людей, механических или электронных устройств и нематериальных элементов, к примеру, фабрик. Под социальным подчинением он понимает наделение индивидов идентичностью, полом, телом, профессией и т.д., реализуемое социальными институтами. В случае машинного порабощения человек образует с машиной единое тело, в котором нет никакого различия между «человеческим» и нечеловеческим. Люди и машины составляют наборы элементов, аффектов, органов, потоков и функций². На пересечении этих двух способов и происходит формирование субъективности. Вместе с тем, в производстве субъективности заложена возможность ускользания от обоих видов подчинения, которая осуществляется абстрактной машиной, осуществляющей субъективную трансформацию путем наделения экзистенциальным содержанием компоненты порабощения и подчинения. Для проекта модерна такое определение природы труда важно, рациональность, бюрократизация опоры модерна с необходимостью порождают все новые формы занятости – бредовую работу.

¹ Standing. 2011. P. 138.

² Lazzarato M. Signs and machines: capitalism and the production of subjectivity. Los Angeles, 2014. P. 23-38.

Итак, произошла трансформация труда и, соответственно, стали появляться теории, репрезентирующие новые формы труда. Проблема труда по-прежнему рассматривалась в дискурсе освобождения, но теперь уже не только рабочего класса, но всех угнетенных, к которым относились этнические и сексуальные меньшинства, цветные и черные, женщины и т.д.

Стэндинг полагает, что решение проблем прекариата заключается в том, чтобы «спасти работу (*work*), не являющуюся трудом (*labour*) и досуг, не являющийся игрой»¹. Указывая на историчность понятий труда и работы, описывая, как меняется их значение в разных культурах, Стэндинг опирается на рассуждения Х. Арендт о труде и работе, изложенные ею в книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*»². Однако нужно иметь в виду, что Х. Арендт стала одним из зачинателей тренда критики Маркса и его социальной и экономической теории. Та переинтерпретация марксистской теории труда, которую осуществили исследователи на этом пути, лишила социальную теорию эмансипаторного содержания, столь важного в марксизме.

Возможно обращение Стэндинга к различению, введенному Арендт, объясняется тем, что он склоняется к тому, освободительный потенциал марксистского концепта труда в новых условиях не может быть реализован. Поэтому он предлагает введение универсального базового дохода, с философской точки рассматриваемому как «социальные дивиденды» – возвращение прошлых инвестиций³.

¹ Standing. 2014. P. 15.

² Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 103-104. К сожалению, переводчик, употребив термин «создание» при переводе английского слово “*work*”, которое обычно переводится как “*работа*”, тем самым вводит в заблуждение читателя. Тем более, что термин «*работа*» встречается в русском переводе книги.

³ Стэндинг. Указ. соч. С. 302.

Н. Срничек и А. Уильямс в своей книге «Изобретение будущего» критикуя не только поздний капитализм, но и традиционных левых с позиций акселерационизма, делают акцент на политическом аспекте проблемы будущего труда. Главная идея, которую они обосновывают, состоит в том, что общество капитализма, в котором труд (work), понимался как работа (job), как наемный труд (wage labor), «как время и усилия, которые мы продаем кому-то в обмен на доход»¹, сменяет посткапитализм, в котором труд меняет свое значение и становится когнитивным. Этот труд содержит тот революционный потенциал с новым классом, который конституируется исполнением качественно иного труда, нежели живой труд промышленного пролетариата.

Предлагая сохранить все достижения позднего капитализма, они предлагают идти дальше. Вместо классического требования полной занятости перейти к ориентированному на будущее требованию полной безработицы². Критикуя «народную политику» (folks politics) они ставят вопрос о том, как и почему была утеряна возможность построить лучшее будущее. Под народной политикой авторы понимают совокупность левых идей и интуиций, которые представляют способы организации, проведения и размышления о политике с точки зрения здравого смысла – движение анти-глобалистов, антивоенное движение, Occupy Wall street. Неэффективность данной политики объясняется тем, что петиции, забастовки, демонстрации, профсоюзы возникли в исторических условиях капитализма. Поскольку наш сегодняшний мир более сложный, нелинейный, абстрактный и глобальный, то такие средства непригодны для политической трансформации общества³.

¹ Srnicek N., Williams A. *Inventing the future: postcapitalism and a world without work*. Brooklyn, N.Y., 2015. P. 85.

² Там же. P. 123.

³ Там же. P. 9-10.

Оценивая ее как политику защиты от неолиберализма, а не сопротивления, они заключают об их неспособности построить новый лучший мир. Артикуляция этой задачи и достижение этого лучшего мира является фундаментальной целью левых сил сегодня. Рассматривая пути построения нового пост-трудового общества, они обсуждают вопрос о полной автоматизации экономики, сокращении рабочей недели, реализацию универсального базового дохода (UBI), и культурный сдвиг в понимании труда (work)¹. Полная автоматизация является утопическим требованием, так как существуют технические, экономические и этические барьеры. Пост-трудовой мир – это не мир праздности, а мир, в котором люди больше не привязаны к своей работе (job) и свободны творить свою собственную жизнь. Такие проекты существовали у марксистов, кейнсианцев, феминисток и анархистов².

Второе требование пост-трудовой платформы – сокращение рабочей недели до трех дней³. Третье – введение универсального базового дохода. Четыре ключевых фактора в пользу его введения: политический – поскольку рынок труда сужается, то вопрос о работе (work) становится политическим; трансформация незащищенности (precarity) и безработицы в волонтерство и флексибильного труда; пересмотр ценности разных видов труда, что предполагает повышение оплаты скучного, непривлекательного труда и, напротив, снижение оплаты привлекательного; феминистский – оплата домашней работы, придание ему статуса труда по воспроизводству общества⁴. Как полагают авторы, UBI снизит незащищенность и бедность, признавая домашний труд как социальную работу решит вопрос гендерного равенства, препятствует классовой мобилизации.

¹ Там же. Р. 108.

² Там же. Р. 115.

³ Там же. Р. 114-117.

⁴ Там же. Р. 123.

Ссылаясь на исследования в этой области, авторы утверждают, что препятствия во введении UBI лежат не в плоскости экономической – финансирование может быть получено за счет сокращения дублирующих программ, увеличение ставки налогов для богатых, на наследство, на потребление, на углероды, сокращение финансирования военных программ, субсидий, выделяемых на поддержание сельского хозяйства и промышленности, – а в политической и культурной. Политические препятствия возникнут из-за мобилизации сил (бизнеса), выступающих против UBI, а культурные вследствие того, что труд глубоко укоренен в нашей идентичности¹. Ослабление трудовой этики рассматривается как четвертое требование к вышеуказанным основаниям платформы пост-трудового общества². Авторы предлагают левым создать предвосхищающий наступление пост-трудового общества проект, цель которого преодолеть неолиберальное здравомыслие и реартикулировать новое понимание «модернизации», «работы (work)» и «свободы».

Левое движение сегодня дифференцировано на левые силы, сохраняющие традиционную критику капитализма и способы сопротивления, унаследованные из индустриальной эпохи, и акселерационистов или анархо-коммунистов. Левый активизм возникает в новых и инновативных сферах общества – community unionism, форумы в социальных сетях, независимые медиа, локальные волонтерские организации, выступающие за прогрессивные изменения³.

¹ Там же. Р. 123-125.

² Там же. Р. 127.

³ Анализ левых движений посвящены два тома сборника, изданного в серии, посвященной радикальной истории и политике университета Routledge (США), – «Contemporary left-wing activism». В книге рассматриваются появление новых типов демократии и участия в ней. На примере разных стран дается объяснение, почему левый активизм появляется в новых инновационных сферах общества и как это согласуется с конвенциональным левым движением, включая парламентскую политику.

Акселерационистский манифест различает традиционную «народную политику» и акселерационистскую политику, принимающую «модернизацию во всей ее абстрактности, комплексности, глобальности и технологическом развитии»¹. Центральная идея манифеста состоит в том, что освобождение потенциальности труда (labor) от блокады, определяемой капитализмом, должно происходить в рамках эволюции самого капитализма. Речь идёт о продолжении экономического роста и технологической эволюции (оба эти процесса сопровождаются растущим социальным неравенством), что приведет к полному развороту классовых отношений. Негри полагает, что здесь повторяется тезис операизма – *внутри и против*.

Фундаментальным вопросом здесь является сила когнитивного труда. Отныне революционные возможности должны быть связаны не с возрождением рабочего класса XX века, но с другим, и наделенным высшей силой – это класс когнитивного труда (cognitive labor). Именно этот класс нужно освободить, этот класс, который должен освободить себя самого².

Рассматривая труд, Негри и Хардт критикуют введенное Х. Арендт разделение труда на (labor), работы (work) и деятельность (activity). Свое несогласие они аргументируют тем, что термин труд (labor) отсылает к практикам, адресованным к «естественным» потребностям, «искусственным» желаниям и социальным отношениям³. Они раскрывают концепт труда (labor), отсылая не только к марксистской традиции, но и к другим ресурсам, чтобы схватить современные процессы производства социальной субъективности, социальности и общества как такового или производство производства. Труд нельзя просто определить как деятельность, но специфическая

¹ Акселерационистский манифест // <https://liva.com.ua/manifesto-accelerate.html>

² Там же.

³ Negri A., Hardt M. Labor of Dionysus: A Critique of the State-Form. University of Minnesota Press. 1994. P. 315.

деятельность, которая социально распознается как производство стоимости. Определение того, какие практики включают в себя труд не дано, что детерминировано исторически и рождает дискуссии¹.

Упадок фабрики и вынос производства за пределы ее стен означает, что трудовой процесс инвестирует в общество, но не означает упадка фабричного режима и дисциплины, а скорее означает, что они не лимитированы какой-либо одной частью общества и распространяются как вирус. Генерализация режима фабрики должны быть дополнена изменениями в природе и качестве трудового процесса. Труд движется в сторону нематериального труда – интеллектуального, эмоционального, технико-сциентистского, труда киборгов. Маркс пытался схватить эти трансформации при помощи понятия Всеобщего интеллекта. Тем не менее должно быть ясно, что несмотря на движение к нематериальности, это труд не менее воплощен, чем интеллектуальный. Кибернетические приложения инкорпорированы в технологизированное тело, становясь частью его природы².

Для Негри и Хардта сопротивление первично в отношении власти. Социальное поле оказывает сопротивление еще до того, как организовано согласно стратегиям власти. Регулятивная и репрессивная сила империи приводится в действие сопротивлением множеств. Исходя из этого они говорят о необходимости новых форм сопротивления, которые уже не статичны, а мобильны. Они берут у Делеза такие понятия, как бегство, исход, номадизм³, делая акцент на процессе опустошительного ухода, разрушающего власть. Рауниг пишет, что эти термины особенно уместны в наши дни, когда неясно, кто или что может быть объектом сопротивления в глобальном окружении, как или где можно было бы определить

¹ Там же. Р. 7-8.

² Там же. Р. 8-9.

³ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 199-203.

оппозицию¹. Государство как объект революционного желания отпадает, Хардт и Негри описывают эту ситуацию неуловимых властных отношений термином «а-локальность эксплуатации»². Эксплуатация и подавление становятся настолько аморфными, что не остается места, где от них можно было укрыться. Власть повсюду и нигде. Для этой ситуации Негри и Хардт предлагают стратегию – атаковать в любых локальных ситуациях: «мы должны быть против повсюду»³ Характеризуя их позицию, Рауниг пишет, что это решение выглядит подходящей теоретической предпосылкой для микрополитических практик, которые осуществляют сопротивление гетерогенными способами, атакуя конкретные частные аспекты становящегося все более глобальным управления и контроля⁴. Несмотря на привлекательность тезиса о вездесущности бытия-против, все же есть места, где оппозиционность предполагается в большей степени, чем в других.

К акселерационистам относится журналист Пол Мэйсон, «The End of Capitalism Began», в которой автор оптимистично провозглашает конец капитализма и наступление посткапиталистической эры, которая характеризуется новыми способами труда и экономикой *sharing economy*⁵. Возражая ему, левые теоретики пишут, что вряд ли компании станут делить свою продукцию бесплатно. К тому же работники, потерявшие работу из-за роботов потеряют также зарплату и не смогут покупать, произведенное роботами⁶.

¹ Raunig G. *Dividuum. Machinic capitalism and molecular revolution*. Los Angeles, 2016. P. 51.

² Хардт М., Негри А. *Империя*. М., 2004. С. 197-199.

³ Там же. С. 200.

⁴ Raunig G. *Указ соч.* P. 51.

⁵ Mason P. *The end of capitalism has begun* // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun>

⁶ McChesney R.t W., Nichols J. 2016. P. 5-6.

В антропологическом измерении все это сопровождается трансформацией человеческой субъективности, человеческой телесности и созданию нового образа человека (Технологии и телесность 2018). Нанси в своей провокационной работе пишет о телесной катастрофе Запада, случившейся после принятия христианства. Ж. Ле Гофф называет это телесной революцией – отказ от гигиенических практик римской античности и введение репрессий, применяемых к телу. С не меньшим основанием мы можем говорить о новой телесной революции, и грядущей катастрофе человеческой телесности. Немалую роль в этом сыграли трансформации модели труда.

Рабочий класс как субъект революционного действия, то есть как заранее конституированный агент действия, уходил со сцены. В постмарксистской традиции возникла необходимость в определении, кто же будет таковым.

Вопросы для закрепления материала

1. Что собою представляет прекариат?
2. Что такое безусловный базовый доход?
3. О каких культурных препятствиях в отношении ведения безусловного базового дохода пишут левые теоретики?
4. В чем неэффективность так называемой народной политики по мнению Срничека и Уильямса?

4.3. Множества и десубстанциализация сообщества

Рассмотрение труда в перспективе теории требует переопределения агента революционного действия. Потребность в этом возникла, во-первых, в результате провала опыта реального социализма, во-вторых, уходом рабочего класса с экономической и политической арены. Для левых теоретиков Ж.-Л. Нанси,

М. Бланшо, Д. Агамбена начавшаяся девальвация коммунистического проекта требовала переосмысления терминов *communist*, *communitarian*, *commun*. Нанси предлагал заместить неопределенное слово *community* словами *being-together*, *being-in-common*, *being-with*¹. Отказ от термина сообщества Г. Рауниг объясняет тем, что концептуальная линия сообщества предстает в двусмысленном свете двойной генеалогии идентичности и редукции². В новых условиях требовалась де-субстанциализация сообществ, что было им реализовано с отсылкой к различию.

Множество – термин, введенный для обозначения тех форм постсовременности, которые заместили прежние национальные или классовые членения и сообщества. Множества непостоянны, выстраиваются в постоянно меняющихся условиях, и, соответственно, с их изменением перестраиваются. Множество является технической композицией *composition* постфордистского производства: форм глобальной работы из дома, неважно «материальной» или «нематериальной». Крестьянские хозяйства как картошка в мешке служат хорошим образом для аспекта монадических техник в производстве³.

Рауниг строит свою концепцию сопротивления на основе концепта дивидуума. Деление Рауниг определяет сингулярность как такое расчленение или разделение, которое позволяет выделить сингулярную линию из многообразного материала, но без объединяющего эффекта. Это производство сингулярной однозначности, а не идентификации⁴. Рауниг, вероятно, отталкивался от аллюзий, связанных с двоичным кодом, лежащим в основе двоичной

¹ Nancy J.-L. *The confronted community / The obsessions of Georges Bataille: community and communication*. Albany: SUNY Press, 2009. P. 20-24.

² Raunig G. *Dividuum. Machinic capitalism and molecular revolution*. Los Angeles, 2016. P. 82.

³ Там же. P. 185.

⁴ Там же. P. 79.

системы счисления, используемой в программировании. Если человека рассматривать в качестве атома информационного капитализма, то он и есть тот исчислимый объект, который можно комбинировать бесконечным множеством способов. Дивидуум всегда открыт для интеракции, всегда готов выйти из одной интеракции, и войти в другую. Дивидуум – это концепт сингулярности, который понимается не как индивидуальная, а дивидуальная, т.е. разделенная. «В то время как индивидуальность мобилизует непохожесть для того, чтобы подчеркнуть бытие-в-различии, демаркацию от всего остального, дивидуальная сингулярность всегда одна среди других, дивидуум имеет один компонент или несколько компонентов, которые составляют его как делимую и соединяют ее с другими схожими частями: схожесть, но не одинаковость или идентичность, схожесть, касающаяся только некоторых компонентов миров¹. Дивидуал способен сцеплять себя с подобными сингулярностями согласно схожести. В терминах Делеза, творчество которого вдохновило Раунига, возникающая сцепленность представляет собой некий ассамбляж, который сингулярен в его множественности. Причем компоненты этого ассамбляжа не находятся в отношениях субординации. Дивидуальность не означает целостности, а понимается как дисперсность².

Концепт дивидуума включает в себя способность к само-разделению, среди разных ее видов он выделяет «механическое рабочее», когда само-разделение осуществляется в «самоуправляемом обслуживании социальных и технических машин». Концепт машинного капитализма Раунига обозначает не просто увеличение роли машин сегодня, а появление баз данных, пронизывающих множество отдельных вещей и позволяющих установить формы машинного самоуправления путем осуществления самоорганизации

¹ Там же. Р. 67.

² Там же. Р. 67-68.

вещей в некоторое собрание¹. Рауниг отталкивается от предложенного Делезом и Гваттари способа индивидуализации, который связан не с личностью, а эмоциями. Эта форма индивидуации корреспондирует с дивидуальной сингулярностью, которая присутствует в массах. Они оцениваются по вкусам, привычкам или эмоциям. Коммерческое присвоение данных связано со специфической формой аутсорсингового производства, где процессы - потребители активизируются как работники. Добровольное выставление напоказ эмоций и образцы, которые могут быть взяты из этой информации, чтобы провести дивидуальные линии и продуцировать содержание «больших данных». Создающие ценности герои не являются личностями, а гибкими дивидуальными линиями².

В то же время эти же свойства могут стать в определенных условиях условиями «молекулярной революции» (Делез/Гваттари), когда возникает как актуализация компонентов дивидуальности: дисперсность, сингулярность и похожесть. Дисперсия как абстрактная линия, движущаяся через отдельные вещи, вместо того, чтобы концентрировать их в целое. Сингулярность как сингулярное существование, вместо генерализация многих вещей в универсальную сущность. Схожесть не как одинаковость, а условие абстрактной линии, которая расширяет соавторство³. Здесь нет общности, нет субъекта, нет идентифицируемого класса. Согласно классической теории революции, здесь нет условий для нее. Здесь же напротив, новое качество молекулярной революции, в которой первенствует множественность. Структура молекулярной революции не требует репрезентации субъекта (класса – рабочего класса, прекариата или

¹ Примером могут послужить поисковые системы или Фейсбук, подписчики которого добровольно выкладывают свои личные данные, следуя желанию передать и разделить себя: в виртуальном общении, признании.

² Там же. Р. 110-116.

³ Там же. Р. 183.

среднего класса под угрозой падения) лидерами, партией, авангардом. Молекулярные революции состоят в создании форм организации, институции новых территорий, чтобы иметь возможность противостоять унификации, валоризации, машинному контролю¹Он полагает, что нужно изобрести и разнообразить революционные практики и нарративы. Как он пишет, одно великое событие становится бесконечной цепью институциональных практик, обгон госаппарата становится консолидацией учреждающей власти, институционализация революции становится изобретением новых чудовищных институций².

Значение распределенного производства слишком статично, более подходит номадическое производство, применяемое не только к финансовым акторам, но к трудовой миграции, проективной работе, так же как к экстремальным условиям спасения от рабства, насилия, радикальной эксплуатации, войны. В центре этих способов производства не индивидуал и его кооперация, а растущие абстрактно-дивидуальные линии, которые пересекают индивидов³.

Вопросы для закрепления материала

1. Чем вызвана необходимость десубстанциализации сообществ с точки зрения Г. Раунига?
2. Как он понимает сообщества?
3. Что означает термин дивидуум?
4. Что такое молекулярная революция и какова ее цель?

¹ Там же. Р. 184.

² Там же. Р. 184-185.

³ Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акселерационистский манифест // <https://liva.com.ua/manifesto-accelerate.html>

Анисимов Р.А. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. № 11. 2017. С. 44–52.

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000.

Бариле Н. Бренди́рование «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди (labour) // Логос, 2015.

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография / Пер. с нем. М.: Прогресс–Традиция. 2000. 384 с.

Бойченко Д.С. Уничтожение труда: капитализм, информационализм и прерванная история автоматизации // Шаги – Steps. № 1. 2017. Т. 3. С. 168–189.

Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни: [пер. с ит. А. Петровой; под ред. А. Пензина]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

Горц А. Метаморфозы труда: поиск смысла, критика экономического разума // Современная западная социология: классические традиции и поиски нового смысла. М., 1990. С.11–12.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

Гринин Л. Исторический материализм: есть ли будущее у концепции? // Восточно-европейский научный вестник. 2016. № 4. С. 37–57.

Гринин Л.Е. Исторический материализм на Западе: история и будущее. Ч. 2. // Философия и общество, № 3. 2020. 5–39.

Инишев И.Н. Признание, амнезия и социальные патологии: Хайдеггер и социальная патология третьего поколения Франкфуртской школы // Топос. 2007. № 3(17). С. 144–152.

Кловайт Н., Ерофеева М. Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос, Том 29. №1. 2019. С. 53–84.

Лазаротто М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] //Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369> (дата обращения 11.09.2023)

Марксизм online: Будущее марксизма и марксизм будущего / А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка-Бузгалина, А.И. Колганов. М.: ЛЕНАНД, 2020. 344 с.

Масловская Е., Масловский М. Концептуализация европейского модерна в социологии Джерада Деланти // Социологическое обозрение. 2017, т. 16, № 3. С. 395–408.

Михайлов И.А. «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А. Хоннета // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Отв. ред. И.И. Блауберг. М.: ИФРАН, 2012. С. 64–101.

Постфордизм. Концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 279 с.

Рифкин Дж. Конец работе. Глобальный упадок занятости и заря пострыночной эры. 2003. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/konec-rabote>

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с

Труд, знание, досуг в постиндустриальном обществе // Логос. Том 25. № 3 (105), 2015. С. 45–176. <http://logosjournal.ru/arch/81/logos-81.pdf>

Усманова А. Онтологии множества, капитал и цифровое будущее: заметки на полях // Шаги (Steps). 2018. 3(2). С. 154–167.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой, СПб., А-сэд, 1994. 407 с.

Фурс В.Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории // Общественные науки и современность. 2002, № 5. С. 115–130.

Хабермас Ю. Труд и интеракция // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»: сб. пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007.

Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Шейман М.М. От Пия IX до Павла VI / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. 176 с.

Contemporary left-wing activism Vol 1: democracy, participation and dissent in a global context / edited by J. M. Roberts and J. I. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, Taylor & Francis Group 2018. 218 p.

Contemporary left-wing activism Vol 1: democracy, participation and dissent in a global context / edited by J. M. Roberts and J. I. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, Taylor & Francis Group 2018. 196 p.

Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus: monograph. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1987. 271 s.

Dejours C. Travail, Usure Mentale. Published by Bayrd Adulte, 2015. 308 p.

Dejours Christophe Subjectivity, Work, and Action // Recognition, Work, Politics: New direction in French critical theory 2007 / eds. by Jean-Philippe Deranty ... [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 71–88.

Deranty J.-P. Expression and Cooperation as Norms of Contemporary Works // New philosophies of labour: work and the social bond / ed. by Nicholas H. Smith, Jean-Philippe Deranty. Series: Social and Critical Theory, Volume: 13. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 151–180.

Deranty J.-P. Repressed Materiality: Retrieving the Materialism in Axel Honneth's Theory of Recognition // Recognition, Work, Politics: New direction in French critical theory 2007 / eds. by Jean-Philippe Deranty ... [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 137–164.

Deranty J.-P., Petherbridge D., Rundell J. Themes and Dialogues in Contemporary French Critical Theory // Recognition, Work, Politics: New direction in French critical theory 2007 / eds. by Jean-Philippe Deranty ... [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 1–26.

Freelancers Union (2019) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.freelancersunion.org/about/> (дата обращения: 29.04.2019).

Gulli B. Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture. Philadelphia, 2005.

Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. F. a. M., 1976.

Heery E. Framing work: unitary, pluralist, and critical perspectives in the twenty-first century. New York, NY: Oxford University Press, 2016. 318 p.

Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, UK, 1995. 215 p.

Honneth A. *The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy* / ed. by Charles W. Wright. Albany: State University of New York Press, 1995. 343 p.

Huws U. *Labor in the global digital economy: the cybertariat comes of age*. New York: Monthly Review Press. 2014. 208 p.

Mason P. *The end of capitalism has begun* // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-end-of-capitalism-begun>

McChesney R.t W., Nichols J. *People get ready: the fight against a jobless economy and a citizenless democracy*. New York: Nation Books. 2016. 360 p.

McChesney, Robert W. (2013) *Digital disconnect: how capitalism is turning the Internet against democracy*. New York: The New Press 2013. 299 p.

Mei T.S. *Heidegger, work, and being*. London; New York, 2009.

Morgan J. *The future of work: attract new talent, build better leaders, and create a competitive organization*. Hoboken. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2014. 234 p.

Nancy J.-L. *The confronted community / The obsessions of Georges Bataille: community and communication* / edited by Andrew J. Mitchell and Jason Kemp Winfree. Albany: SUNY Press, 2009. P. 19–30.

Negri A., Hardt M. *Labor of Dionysus: A Critique of the State-Form*. Series: *Theory Out of Bounds*. Vol. 4. University of Minnesota Press. 1994. 368 p.

Negri Antonio. *Reflections on the “Manifesto for an Accelerationist Politics”* / <http://www.e-flux.com/journal/reflections-on-the-“manifesto-for-an-accelerationist-politics”/>

Nell-Breuning O. *Arbeit – was ist das? // Mensch und Arbeitswelt*. – Stuttgart, 1984.

Neuberger O. *Arbeit: Begriff – Gestaltung – Motivation – Zufriedenheit*. – Stuttgart: Enke, 1985. – S. 2.

Panneberg v. W. *Fluch und Segen der Arbeit: Das Phaenomen menschlicher Arbeit aus theologischer Sicht // Zukunft der Arbeit: Einsichten und Ausichten*. – Stuttgart, 1989). – S. 21.

Pawlowsky, P., Flodel, E. Die Arbeitsmoral der Deutschen: Schwitzen ... nur noch in der Freizeit // *Geshaeft oder Arbeit, kein Arbeit und Freizeit*. Ernst, Heiko [Red.] und Elliot Aronson: Weinheim/Bazel: Beltz, 1985. S. 51–74.

Platform capitalism, digital technology and the future of work (2018) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cbc.ca/radio/ideas/platform-capitalism-digital-technology-and-the-future-of-work-1.4297369> (дата обращения: 22.04.2019).

Pusey A. Contemporary left–wing activism. Vol. 1. 2019. P. 71–86.

Qiu J. Linchuan. Goodbye iSlave: a manifesto for digital abolition. Urbana: University of Illinois Press, 2016. 227 p.

Raunig G. Dividuum. Machinic capitalism and molecular revolution. Los Angeles, 2016. 208 p.

Renault E. The political invisibility of work and its philosophical echoes // *New philosophies of labour: work and the social bond* / ed. by Nicholas H. Smith, Jean-Philippe Deranty. Series: Social and Critical Theory, Volume: 13. Leiden; Boston: Brill, 2012. 133–150 p.

Smith N.H. Three Normative Models of Work // *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. 2012. P. 181–208.

Srnicek N. Platform capitalism: monograph. Cambridge, UK. Polity Press. 2017. 170 p.

Srnicek N., Williams A. Inventing the future: postcapitalism and a world without work. Brooklyn. New York: Verso Books. 2015. 245 p.

Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class: monograph. London, New York: Bloomsbury. 2011. 198 p.

Technology at work v2.0. The Future Is Not What It Used to Be // [Электронный ресурс] URL: <https://www.citivelocity.com/citigps/technology-work-v2-0/> (дата обращения: 22.04.2019).

Trzaskalik F. Katholizismus // *Arbeit / unter Mitarbeit von A v. Dijk*. - Muenchen: Koesel; Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. – S. 38-39.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Примеры тем для дискуссий

Тема: Будущее труда в контексте роботизации, автоматизации и цифровизации

1. Метафора «смерти труда» как выражение начала постсовременности.
2. Почему начиная с 70-х годов на Западе заговорили о «смерти труда»?
3. Как меняется соотношение производительного и непроизводительного труда в современности?
4. Что такое нематериальный труд?
5. Что такое новая автоматизация и как она влияет субъективность работника?
6. Как меняется труд в цифровой экономике.

Тема: Труд, свободное время и досуг:

1. Что такое досуг и чем отличается от свободного времени?
2. Что такое труд потребления?
3. Как влияет старение населения на досуг будущего?
4. Как соотносились труд и досуг в историческом контексте?
5. Каково соотношение досуга и труда в обществе потребления?
6. Как соотносятся труд и досуг в экономике будущего?

Примерная тематика обзора научных статей

1. Платформенный капитализм и новый тип эксплуатации работников.
2. Нематериальный труд: сущность, происхождение.
3. «Смерть труда» и будущее производства.
4. Цифровая экономика и новые виды труда.
5. Свободный труд фрилансеров: новые вызовы производству.
6. Трудовая этика в контексте кризиса трудового общества.
7. Развитие философии труда К. Маркса в критическом дискурсе постсовременности.

8. Реконструкция исторического материализма в западной социальной теории.

9. Универсальный базовый доход: разные подходы к пониманию.

Пример творческого проекта

Задание выполняют обучающиеся по 3–4 человека в группе. Презентация должна содержать не менее 12–15 слайдов с использованием возможностей анимации и различного оформления. Приветствуется наличие в презентации звукового сопровождения (комментариев) и реальных примеров (картинок).

Создать презентацию по одной из тем:

1. Цифровая экономика: вызовы новым пролетариям.
2. Связь труда и досуга с развитием человеческого капитала.
3. Труд, досуг, свободное время, праздность, лень в культуре и религии.
4. Теория признания Акселя Хоннета и ее развитие.
5. Посттрудовая платформа и ее особенности (по работам социальных теоретиков левого толка).

Оценочные материалы, нацеленные на проверку знаний обучающихся

Задание 1. Опираясь на монографию У. Бека «Общество риска: на пути к другому модерну», определите философские традиции в осмыслении феномена труда в цифровом обществе. Какие риски могут возникнуть в цифровом обществе?

Задание 2. Обратитесь к тексту П. Вирно «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни». Ответьте на вопрос: что такое множество и какими свойствами оно обладает? Как связаны трансформации труда с трансформацией социальной жизни?

Задание 3. Опираясь на работу Г. Зиммеля «Философия труда», объясните, в чем состоит двойственная природа продукта труда. Как указанная двойственность может проявить себя в цифровой экономике?

Материалы, нацеленные на формирование навыков решения той или иной проблемы

Задание 1. Используя основной терминологический аппарат философии труда, проведите анализ моделей труда в цифровом обществе, описанном в книге Г. Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс».

Задание 2. Проанализируйте работу Д. Гребера «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда» с точки зрения построения им дискурса о труде. Дает ли он определение бессмысленного труда? Определите, как меняется социальная структура общества и какую роль играет в этом труд.

Задание 3. Определите, как Срничек и Уильямс ставят вопрос о культурных препятствиях, мешающих введению безусловного базового дохода. Можно ли решить вопрос о трудовой этике как препятствии ведению такого дохода?

Материалы, нацеленные на формирование умения использовать междисциплинарные и прикладные методики для углубленного изучения трансформации труда в современной культуре.

Задание 1. Проанализируйте фрагмент о постфордизме в работе П. Вирно «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни» и дайте анализ форм труда в постсоциалистическом обществе.

Задание 2. Используя методы, применяемые Г. Стэндингом в работе «Прекариат: новый опасный класс», дайте характеристику процессов, происходящих в современной российской экономике. Опишите процесс пауперизации работников, занятых в цифровой экономике.

Задание 2. Обратитесь к работе У. Бека «Общество риска: на пути к другому модерну» и ответьте на вопросы: почему современное общество является обществом риска? В чем состоят риски современности? Изменилась ли ситуация с производством рисков за прошедшие два десятилетия после опубликования книги?

Задания открытого типа с коротким ответом

1. Под «трудом», или *целерациональным действием*, я понимаю или инструментальное действие, или рациональный выбор, или их сочетание. Инструментальное действие осуществляется по *техническим правилам*, основанным на эмпирическом знании:

Ответ–

2. Кому принадлежат слова: «То, что я называю бредовой работой, – это работа, в основном или целиком состоящая из задач, которые сам работник считает бессмысленными, ненужными или даже вредными. Это работа, от исчезновения которой вообще ничего не изменится.

И главное, это работа, про которую сами работники думают, что она не должна существовать».

Ответ –

3. Кто автор слов: «Дерьмовая работа – это синий воротничок с почасовой оплатой, а бредовая работа – это белый воротничок с окладом. Люди, делающие дерьмовую работу, часто сталкиваются с пренебрежением; мало того, что они вкалывают, так еще именно поэтому их не уважают. Но они хотя бы знают, что делают что-то полезное».

Ответ –

4. Кто сказал, что «один из способов понять прекариат заключается в том, чтобы увидеть, как люди начинают заниматься незащищенными видами труда, которые вряд ли помогут им добиться желаемой профессиональной самоидентификации или сделать желаемую карьеру».

Ответ –

5. Нестабильность дохода и структура доходов, отличная от той, что существует сегодня в других социальных группах характерна для

Ответ –

6. Чьи это слова: «Базовый доход не совсем то же самое, что негативный подоходный налог, с которым его часто сравнивают. Он не создает ловушку бедности, когда с увеличением дохода человек утрачивает право на пособие, что действует как сдерживающий стимул для труда. Человек будет получать базовый доход независимо от того,

много ли он зарабатывает, независимо от его семейного статуса. Все доходы от заработка будут облагаться налогами, как обычно».

Ответ –

7. Автоматизация, связанная с использованием искусственного интеллекта, способного решать нестандартные задачи, и деформирующая субъективность работника, теряющего свои профессиональные компетенции называется

Ответ –

8. Новый тип работника, появившийся в результате использования онлайн-платформ, кардинально изменивших систему найма на работу – работодатель может нанимать работник в режиме онлайн, а работник осуществлять свои трудовые функции онлайн называется

Ответ –

9. Смещение ценности труда вниз в шкале ценностей, ставшее маркером глубинных изменений в западном обществе, в котором труд перестал быть осью, вокруг которой выстраивались все остальные социальные институты – образование, семья, пенсия, досуг, исследователи обозначили метафорой

Ответ –

10. Полная автоматизация экономики, сокращение рабочей недели, введение универсального базового дохода (UBI), культурный сдвиг в понимании труда согласно Срничеку и Уильямсу являются условиями формирования

Ответ –

Примеры заданий с развернутым ответом

1. Можно ли назвать телесной революцией, ведущей к изменению образа человека, результаты применения технологий трансплантации органов, технологий, основанных на генной инженерии, использование искусственного интеллекта?

Да, мы сегодня столкнулись с очередной телесной революцией. В антропологическом измерении она сопровождается трансформацией человеческой субъективности, человеческой телесности и созданию нового образа человека. Нанси в своей провокационной работе пишет

о телесной катастрофе Запада, случившейся после принятия христианства. Ж. Ле Гофф называет это телесной революцией, состоявшей в отказе от гигиенических практик римской античности и введении репрессий, применяемых к телу. С не меньшим основанием мы можем говорить о новой телесной революции, и грядущей катастрофе человеческой телесности. Немалую роль в этом сыграли трансформации модели труда.

2. Можно ли назвать Г. Стэндинга сторонником алармической позиции относительно будущего труда?

Действительно, Г. Стэндинг является алармистом в этом отношении. Он диагностировал появление прекариата – нового класса обездоленных, появившихся в эпоху глобализации и глубинных трансформаций труда в высокотехнологичном обществе. Он обосновывает, что решение проблем прекариата заключается в том, чтобы «спасти работу (work), не являющуюся трудом (labour) и досуг, не являющийся игрой». Указывая на историчность этих понятий, описывая, как меняется их значение в разных культурах, Стэндинг опирается на рассуждения Х. Арендт о труде и работе, изложенные ею в книге «*Vita activa*, или О деятельной жизни». Однако нужно иметь в виду, что Арендт стала одним из зачинателей тренда критики Маркса и его социальной и экономической теории. Та переинтерпретация марксистской теории труда, которую осуществили исследователи на этом пути, лишила социальную теорию эмансипаторного содержания, столь важного в марксизме.

3. Каковы предложения современных левых теоретиков относительно будущего труда?

Н. Срничек и А. Уильямс в своей книге «Изобретение будущего» критикуют не только поздний капитализм, но и традиционных левых с позиций акселерационизма, делают акцент на политическом аспекте проблемы будущего труда. Главная идея, которую они обосновывают состоит в том, что общество капитализма, в котором труд (work), понимался как работа (job), как наемный труд (wage labor): как время и усилия, которые мы продаем кому-то в обмен на доход, сменяет посткапитализм, в котором труд меняет свое значение и становится

когнитивным. Этот труд содержит тот революционный потенциал с новым классом, который конституируется исполнением качественно иного труда, нежели живой труд промышленного пролетариата.

Предлагая сохранить все достижения позднего капитализма, они предлагают идти дальше. Вместо классического требования полной занятости перейти к ориентированному на будущее требованию полной безработицы.

4. Что происходит с наемным работником с появлением платформенного капитализма?

В результате использования онлайн-платформ кардинально изменилась система найма на работу, отныне работодатель может нанимать работник в режиме онлайн, а работник осуществлять таким способом свои трудовые функции. Возник новый тип наемных работников – кибертариат (cybertariat). Начиная с 2015 года цифровые технологии стали широко применяться в организации и конституировании труда, а использование смартфонов расширило возможности фрилансинга. Сформировалась экономика “on-demand” (по требованию), использующая “crowd labor” – временный найм работников. По оценкам американских экспертов каждая из трех глобальных трудовых «транзакций» будет осуществлена онлайн как часть экономики “on-demand” (по требованию) или “crowd labor” (труд толпы), использующей лишь временный найм работников. Ставя вопрос о кибертариате, британский левый теоретик Урсула Хьюз, исследует способ, которым передовые информационные и коммуникационные технологии открыли новые области накопления капитала: в культуре и искусстве, в приватизации общественных услуг и в коммерциализации человеческой социальной активности с помощью мобильных устройств и социальных сетей. Все это сопровождается драматической перестройкой условий труда, что открывает путь новых форм трудовой солидарности и борьбы по всей планете.

5. С какими трудностями сегодня сталкивается социальная теория К. Маркса?

По словам известного немецкого теоретика труда А. Хоннета, главная проблема социальной теории Маркса состоит в том, что он не смог установить мост между антропологически установленным

характером труда (work) как акта объективации и исторической ситуацией отчужденного общественного труда. Проблема тем не менее остается – связь между общественным трудом и социальным освобождением, которую Маркс оставил нерешенной.

Фундаментальные структурные изменения в капиталистическом индустриальном труде (labor) проливают свет на те трудности, в которые Маркс вовлек себя, пытаясь развить теорию революции на основе его концепции труда (work). Влияние принципов рационализации организации труда на основе принципов Тэйлора привело к тому, что большинство видов труда утратило всякую схожесть с самореализацией и самораскрытием труда ремесленника. Под влиянием растущей механизации индустриального труда социальные философы и теоретики обратились к рассмотрению технических и экономически функциональных аспектов труда, что привело к вытеснению эмансипаторной важности труда, о которой говорили Гегель и Маркс, а также переместили эти аспекты в область культурного критицизма.

Учебное издание

Четырова Любовь Борисовна

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА
В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Учебное пособие

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета

Подписано в печать 23.11.2023. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 5,0.

Тираж 120 экз. (1-й з-д 1–27). Заказ № . Арт. –19(Р2УП)/2023.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.